

• ВИКТОР •

ПОЛОНСКИЙ

ЗАГАДКА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Виктор Полонский
Загадка Веры Холодной
Серия «Вера Холодная», книга 1
Серия «Интересный детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079742

Загадка Веры Холодной: Эксмо; М.; 2015

ISBN 978-5-699-81800-6

Аннотация

На дворе 1910 год. С легкой руки деверя Вера Холодная становится агентом контрразведки. В результате непредсказуемого стечения обстоятельств молодая женщина попадает в сети австро-венгерского шпионажа и вынуждена служить двум державам одновременно! Сможет ли пламенная патриотка и любящая жена спасти не только свою семью, но и удержать Родину от войны? Или придется делать роковой выбор?

Содержание

1	5
2	17
3	29
4	42
5	55
6	68
7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виктор Полонский

Загадка Веры Холодной

© Шляхов А., текст, 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Лишь в неизменном – бесконечность,
Лишь в постоянном – глубина...*
Зинаида Гиппиус

1

«13 апреля жена московского полицмейстера П. А. Золотарева неудачно вскочила на подножку площадки вагона трамвая в тот самый момент, когда стоящий трамвай тронулся. Потеряв равновесие, г-жа Золотарева не смогла устоять на ногах и упала на мостовую. По свидетельству доктора Гранина, г-жа Золотарева получила неопасные для здоровья ушибы и легкое сотрясение мозга».

* * *

«В доме Лодиной, по Малой Грузинской улице, в квартире отставного ротмистра Ветлугина обнаружено производство фальшивых гирь и аршинов. Владел и руководил производством сам квартировладелец. Фальшивые гири и аршины пользовались спросом и сбывались не только в Москве, но и в других городах России».

Газета «Московские вести», 14 апреля 1910 года¹

В семнадцать лет невозможно поверить в то, что тебя хотят убить. До тех пор, пока твоя подруга не упадет к твоим ногам, обрызгав тебя кровью.

Пуля попала Машеньке в шею и, видимо, пробила арте-

¹ Все даты даны по старому стилю (юлианский календарь).

рию, потому что кровь вытекала пульсирующим фонтанчиком. Машенька страшно хрипела и не менее страшно извивалась. Совсем как змея. Зауженное по последней моде платье усиливало сходство. Атлас блестел и серебрился под солнцем подобно змеиной коже.

Серебряная змея быстро краснела. Платье напитывалось кровью. Подмятая под голову шляпка, раскрытый кружевной зонтик, задорно валявшийся вверх ручкой, крошечный ридикюль с причудливо-завитушечной монограммой «МП»... Такое величественное действо, как смерть, пусть даже и внезапная, немислимо без декораций.

Змей Вера не боялась, наверное, потому, что, кроме ужей, никаких других гадов не видела. А ужа чего бояться? Он сам тебя боится, поскорее уползти норовит. И красивый – гладкий, блестящий, грациозный, изящный. Подмечать красивое и любоваться им Вера умела с тех пор, как себя помнила. Никто ее этому не учил, само получалось. Увидит цветок – и залюбуется. Уставится в небо – и застынет, глядя на облака. «Мечтательница ты моя», – ласково говорил папа, глядя Веру по голове. Вера не объясняла, что она не мечтает, а любит. Какая разница? Важен же не повод для восхищения, а сам процесс. Вера любила, чтобы ею восхищались. Оттого и жить привыкла немножко напоказ, как будто роль на сцене играла.

При виде хрипящей Машеньки Вера забыла обо всем на свете. Да и кто бы на ее месте не забыл, от такого-то зре-

лица? Машеньке надо было помочь, попытаться остановить кровь, подержать за руку, сказать что-нибудь ободряющее. Но все подходящие слова вдруг вылетели из головы, а тело одеревенело. Вера смогла только сжать кулачки и закричать. Слушала свой крик, пронзительный, высокий, и думала – вот, кричу, слышу, значит, не сплю. Значит, все наяву, не во сне. Наяву... Наяву... Зачем? Кому помешала Машенька, веселая, добрая, чуточку легкомысленная? Разве за легкомыслие убивают? Машенька за всю свою жизнь никому не сделала зла. Могла вредной антрепренерше язык показать из озорства, но это же не повод. Хотели убить не Машеньку, а ее, Веру. Если бы Машенька не устремилась к валявшемуся на дорожке бумажнику, то с ней бы ничего не случилось.

Машенька тянула руки к горлу, из которого пульсирующим фонтанчиком била алая кровь, и никак не могла до него дотянуться. Вера вдруг подумала о том, что Машенькино платье безнадежно испорчено, и ужаснулась своим пошлым, неуместным мыслям. Маленький ужас наложился на большой и стал той последней каплей, которая переполнила чашу. Сначала Вера перестала слышать свой крик, а мгновением позже у нее в глазах потемнело...

Вторая встреча со смертью оказалась много страшнее первой. Когда умер папа, Вере было одиннадцать лет. Папа долго болел, и мама с бабушкой шептались о том, что ему недолго осталось. Что именно осталось – не уточняли, и так все было ясно. Шептались тихо, чтобы больше никто не услы-

шал, но Вера, с ее острым слухом, все слышала и очень расстраивалась. Бедного папу было очень жаль и очень хотелось, чтобы он выздоровел. Кому только Вера не молилась об этом. Увы, молитвы не помогли. Папа страшно исхудал, не менее страшно кашлял – гулко и подолгу, перестал вставать с постели, перестал есть... А потом был переполох – ночная суета, шум, звон склянок, приезд доктора. Взрослые были заняты, а Вере, как старшей, пришлось присматривать за Наденькой и Сонечкой. «Агония», – на бегу обронила бабушка. Вера сразу же представила себе эту агонию – как будто папу изнутри жжет огонь. Огонь – агония – агония... Под утро бабушка пришла в детскую, обняла Веру (Наденька с Сонечкой спали) и заплакала. За эти слезы Вера простила ей все обиды, даже то, что бабушка заставила маму забрать ее из балетного училища. У Веры были способности к балету (преподаватели говорили, что большие), было желание играть, блистать на сцене, но все это разбилось о бабушкино «не надо нам этого». Бабушка – кремень, все всегда делается по ее желанию. Папа и мама с ней никогда не спорили, согласились и в тот раз. Только тетя Лена попыталась возражать, но что толку возражать бабушке? Тетя Лена потом плакала и угощала Веру пастилками. Пастилки уже в рот не лезли, но отказываться было неловко. «Вот увидишь, ты будешь, будешь, будешь балериной...» – твердила тетя Лена. Вера послушно кивала, но в глубине души понимала, что тетя говорит неправду. Не со зла и не из вредности, а для того, чтобы успокоиться са-

мой и утешить племянницу. За недолгое время, проведенное в школе, Вера успела понять главное правило балета. Чем раньше начнешь, тем большего добьешься. Пройдет год-другой, и можно уже не пытаться, потому что толку все равно не будет. Одна только радость осталась – воспоминание о том, как, улучив момент, когда не было репетиций, Вера пробралась на сцену и самозабвенно прыгала там, изображая балет. На сцене Большого театра! Пусть днем, пусть в пустом зале, но на сцене Большого театра! Прыгала долго, аж вспотела от усердия. Прыгала до тех пор, пока не услышала аплодисменты и мужской голос: «Браво!» Аплодисменты были вялыми, какими-то снисходительными, голос тоже был без восторга, но кому еще из Вериных подруг аплодировал сам Горский?² Вере, кроме тети Лены и сестер, никто после не верил, ни взрослые, ни подруги. Слушали и улыбались, как же, сам Горский аплодировал, ври больше. Тетя Лена верила, потому что как актриса умела тонко чувствовать, когда люди врут, а когда говорят правду. Ну и понимала, что про такое не врут. Это уже что-то вроде святотатства получается. А сестры верили, потому что привыкли верить Вере. Она их никогда не обманывала. Если бабушка страшила, что от шоколада животы вздуются и заболят, то Вера объясняла, что от шоколада в животе только приятно становится, сколько

² Александр Алексеевич Горский (1871–1924) – русский артист балета, балетмейстер, реформатор театрального действия, заслуженный артист Императорских театров (1915).

его ни съешь. Просто дело в том, что они живут небогато, каждая копейка на счету, приходится экономить, а шоколад, даже леновский³, не говоря уже о том, что от Эйнема⁴, стоит дорого. Сестры понимали и переставали плакать. Вера все удивлялась, почему взрослые говорят неправду на каждом шагу. Когда выросла, удивляться перестала.

Папа умер не страшно. Лежал потом тихий, строгий, непохожий на себя, с заострившимися чертами лица и закрытыми глазами. А Машенька... При одном лишь воспоминании сердце екнуло, и Вера снова провалилась в спасительную тьму, где нет ни чувств, ни мыслей, ни переживаний, ни сожалений. Ничего нет.

– Верочка, – позвал знакомый голос, самый любимый.

Или уже не самый? Или совсем не любимый? А разве можно любить после того, как увидела смерть?

– Верочка! Ты меня слышишь?! Верочка! Верочка! Ответь, прошу тебя!

Если зовут так настойчиво, волей-неволей приходится подчиниться. Только отвечать Вере не хотелось, потому что нечего было отвечать. Точнее – слишком много чего хотелось сказать. Словами и не выразить, разве что только взглядом. Вера открыла глаза и увидела прямо перед собой большое розовое пятно с двумя поблескивающими звездочками. Пятно постепенно становилось все четче – вот на нем

³ Производства «Торгового дома Г. и Е. Леновы».

⁴ Производства «Товарищество Эйнем».

проступил нос, вот звездочки превратились в стекла пенсне. Владимир видел превосходно, а пенсне носил из щегольства, вернее – для солидности. Какой же адвокат без пенсне? Не комильфо. Зачем ему пенсне сейчас? Забыл снять?

– Верочка! – ахнул муж. – Наконец-то!

Голос его был прерывист, словно ему не хватало дыхания. Вер-ох-оч-ох-очка! Запыхался? С чего бы это. Такой голос Вере не понравился. Ей нравился обычный голос мужа – сочный, уверенный баритон. А если он еще и звенит от восторга... В тот вечер, на выпускном балу, муж, тогда еще не муж, а «просто Владимир без отчества» читал Вере Гумилева. «Озеро Чад» – чудное стихотворение, красивое и щемящее. От красоты должно немножко щемить внутри, иначе это и не красота вовсе, а так, *vulgarité*⁵.

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили – на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее...

Вера тоже когда-то была женой могучего человека. Пусть и не вождя, не Африка, чай, у нас, но могучего, сильно-

⁵ Вульгарность, пошлость (*фр.*).

го, уверенного в себе человека. Адвоката, спортсмена, автомобилиста, стрелка, любителя бокса. А теперь этот человек плачет в ее присутствии и, кажется, совсем не стесняется своих слез. И еще так по-детски шмыгает носом... Слезы мужа немного покоробили Веру, а шмыганье растрогало. Ей захотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но ничего, кроме пошлейшего «все будет хорошо», в голову не приходило. Поэтому Вера сказала стихами:

– Я ломала мой редкостный веер...

«Редкостный веер» – это Верина жизнь. Семнадцать размеренных лет и три месяца кутерьмы. Восхитительно интересной и, как оказалось, смертельно опасной кутерьмы. Не погружаясь в ужасные воспоминания, Вера тем не менее понимала, знала, что Машенька погибла из-за нее. Вместо нее... Кому надо было убивать Машеньку, прелестного мотылька, беззаботно порхавшего по жизни? Ровным счетом никому. Машенька умела ладить со всеми, без исключения. Она даже отказывать умела так мягко, что отказ оставлял приятное послевкусие. А вот Вера успела натворить дел... Сделать ничего толком не успела, а дел натворить успела. Интересно, это сейчас у нее calembour⁶ получился? Ах, всего лишь очередная глупость, не более того...

– Упиваясь восторгом заранее, раздвигала я гибкие складки у моей разноцветной палатки... – подхватил муж.

Подхватил и осекся, потому что дальше были вот такие

⁶ Каламбур (фр.).

строки:

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою...

Тогда, на балу, они звучали совсем иначе. Притягательное, манящее... Когда счастье переполняет тебя настолько, что вот-вот начнет переливаться через край (шутка ли – гимназия окончена!), то так и тянет приправить его острой перчинкой. Представить смоковницу с облетевшими листьями, то есть женщину, у которой все хорошее осталось в прошлом, и знать при этом, что у тебя ничего подобного никогда не случится. Верить и знать.

Не случится... Год с небольшим прошел с того дня.

Мокрое от слез лицо со сползшим на нос пенсне заволокло пеленой. Перед Верой предстал тот, прежний, Владимир. С горящими от любви и восторга глазами, тонкими аристократическими чертами лица и красивыми, чувственными губами. Вера подумала, что если он сейчас спросит позволения поцеловать ее, то она скромно потупит взор и, едва слышно, ответит «да». Или просто кивнет.

– Вера, вы выйдете за меня замуж? – неожиданно и просто спросил Владимир.

Вера опустила голову, глубоко вдохнула, прислушалась к своему сердцу, которое вдруг забилося часто-часто, и пролепетала:

– Да.

И еще дважды кивнула для верности, опасаясь, что громкая музыка может помешать Владимиру расслышать ее ответ.

Но он расслышал. Просиял от радости, хотя, казалось, лучше сиять и некуда, подхватил Веру и закружил ее в вальсе. Вот так случается в жизни – отошла на балу с кавалером в угол перемолвиться словечком, а вернулась танцевать уже невестой.

«Не-вес-та! Не-вес-та! Не-вес-та!» – в такт музыке пела душа. Теперь уже можно было признаться себе в том, что это была любовь с первого взгляда. Увидела в дверях красивого молодого человека и еле удержалась от того, чтобы броситься ему навстречу... Еле-еле, даже губу закусить пришлось, чтобы преодолеть соблазн. Вредина Анька Боду заметила это и сразу же начала отпускать неуклюжие остроты на тему «сколько губы ни кусай, они от этого полнее не станут». О своих блеклых ниточках подумала бы! Но Вере вдруг стало так хорошо, что она даже расхотела сердиться на Аньку, даже «бара-а-анессой» ее не назвала.

Так было хорошо...

Совсем недавно Вере было так хорошо...

А сейчас так плохо, что хуже, кажется, и не бывает...

Заснуть бы и не просыпаться...

– Где я? – спросила Вера, очнувшись от забытья в очередной раз.

– Дома, Верочка, дома, – как показалось, обрадованно, хотя радоваться было нечему, ответил муж.

Дома как-то странно пахло – холодом и чем-то медицинским.

– Уже зима?

Вера никак не могла вспомнить, когда умерла Машенька. Кажется, это было летом? Или осенью?

– Господь с тобой, Верочка, опомнись! – испуганно зачастил муж. – Второе августа сегодня. Понедельник.

Второе августа. День памяти святого Блаженного Василия Чудотворца, папиного небесного заступника. Он, наверное, теперь и Верин заступник тоже. Или не он? Вера решила, что додумает про заступников после, потому что сейчас у нее не осталось сил даже на то, чтобы сказать несколько слов мужу. Хотелось снова вернуться обратно, в покойную тьму, но что-то мешало. Что-то с ней было не так.

– Что со мной было? – спросила Вера у мужа.

– С тобой все хорошо, Верочка. Доктор сказал, что с тобой все хорошо...

«С тобой» оба раза прозвучало с неким особенным смыслом.

– А с ребенком? – Вера уже догадалась, но, чтобы поверить в такое окончательно, ей требовалось подтверждение.

– Доктор сказал, что это из-за нервного потрясения. – Владимир судорожно сглотнул и часто-часто заморгал. – Спазм... Не переживай, милая, тебе всего семнадцать, у нас еще все впереди...

Не было сил для того, чтобы плакать, и не было желания смотреть на разом опостылевший белый свет. Вера поспешила закрыть глаза.

2

«Недавно домовладельцы Девкина переулка обратились в городскую Думу с просьбой переименовать его в Елоховский переулок. По их свидетельству, им более невозможно было жить в переулке со столь неблагозвучным названием. Комиссия по регулированию города Москвы, рассмотрев обращение, оставила просьбу без удовлетворения, поскольку признала, что название Девкин переулок имеет историческое значение. Члены комиссии не видят в названии переулка ничего неблагозвучного или зазорного. Оно пошло не от девиц легкого поведения, а от работниц с ближайших фабрик, имевших обыкновение здесь селиться».

** * **

«В доме Юдиной, по Колодезной улице, в Сокольниках жена слесаря В-ва в отсутствие мужа его же бритвой перерезала себе горло, предварительно перебив топором всю посуду и мебель. Записки, объясняющей свой поступок, покойная не оставила».

*Ежедневная газета «Утро России»,
23 апреля 1910 года*

Лучший день для свадьбы – Красная горка, первое вос-

кресенье после Пасхи. Девять недель из-за поста и праздника в церквях не совершают таинство бракосочетания, поэтому свадеб на Красную горку играет великое множество. Посмотришь по сторонам, и кажется, что вся Москва только свадьбами и занимается. Весна! Листочки зеленеют, почки на деревьях распускаются, кажется, что ничего в природе нет, что бы любовью не дышало, как сказал поэт. Когда Владимир спросил, на какой день назначить свадьбу, Вера, не раздумывая, ответила – на 25 апреля, на какой же еще? Владимир не возражал.

Возражать он начал, когда речь зашла о том, где играть свадьбу да кого пригласить. Вере свадьба представлялась скромным уютным праздником в кругу близких. Мама, тетя Лена, несколько гимназических подруг, брат Владимира Алексей (других родственников у мужа не было), кто-то из его друзей... Помпезности и многолюдья не хотелось. Бракосочетание – интимный праздник, глубоко личный. Если вдуматься, то все, кроме жениха и невесты, то есть уже мужа и жены, на нем лишние. Но Владимир думал иначе.

– Ты пойми, – сказал он, пытливо заглядывая Вере в глаза, – я – адвокат, и мой круг общения весьма велик. Если одного пригласить, а другого не пригласить, то неизбежно пойдут обиды, отношения осложнятся. Да и репутация моя пострадает от скромной свадьбы. Скажут – плохи дела у Холодного, если даже по такому случаю на хорошее застолье у него средств не хватило. А этого допустить никак нельзя.

От этого доверительного «ты пойми» и взгляда, которым сопровождалась эта фраза, Вера просто млеет. Таяла, как лед на июльском солнце. И конечно же, все понимала, потому что нельзя было не понять. Да, надо пригласить всех, чтобы никому не было обидно. Да, Владимиру надо поддерживать репутацию, чтобы хорошо зарабатывать и достойно содержать семью. Их семью. Увлечение автомобилями, к слову будь сказано, тоже требует немалых денег, ну и вообще...

Платить Вера шила у самой Надежды Ламановой, поставщицы Двора Ее Императорского Величества. Очередь на пошив в ее ателье была расписана аж до ноября, но выручила тетя Лена, Елена Константиновна. Надежда Петровна шила костюмы для Художественного театра. Тетя Лена, хотя и служила в Малом, но знакомства в актерской среде имела самые широкие. Ей не составило труда получить для любимой племянницы записку к Ламановой от самой Ольги Книппер-Чеховой. Верочка приехала на Тверской бульвар, предъявила записку и была тотчас же принята. Не Ламановой, конечно (чай, не Книппер-Чехова приехала), но одной из лучших ее мастериц, Софьей Павловной. Про Софью Павловну в Москве говорили, закатывая глаза и с придыханием, потому что была она не мастерица, а настоящая кудесница. Любой недостаток могла скрыть, а достоинства подчеркивала столь изящно, что они представляли в самом невыгоднейшем свете.

– Полнота красит женщину, – сказала Софья Павловна,

окинув Веру быстрым цепким взглядом.

Вера скорбно вздохнула. Полнота, конечно, придает милovidности, но ей бы хотелось выглядеть немного иначе. В мечтах Вера видела себя тоненькой, хрупкой, изящной тростинкой. Когда спускалась на землю, расстраивалась – и рост маловат, и лодыжки толстоваты, да и лицо слишком уж округлое. Милovidно, но не изящно.

Софья Павловна мгновенно все поняла, словно прочла книгу Вериней души.

– Атласное с прямым, плотно прилегающим корсетом и срезанным шлейфом, – сказала она тоном, исключавшим любые возражения (да и кто бы осмелился?). – Декольте и по подолу кружевами... Вставки экрю?... Гм... Нет, обойдемся без вставок...

Вере дали образцы, она выбрала ткань, Софья Павловна похвалила ее вкус и велела принести отрез. Когда Вера увидела материю «целиком», то утвердилась в своем решении окончательно. Одно дело – лоскуток в руках мять, и совсем другое видеть во всем великолепии. А затем началось волшебство. Софья Павловна накинула материю на манекен и начала прихватывать то здесь, то там булавками. Не прошло и минуты, как Вера увидела наяву свое платье, придуманное, но еще не сшитое. Ахнула, посмотрела на Софью Павловну восхищенным взглядом и только сейчас вспомнила, что не спросила о цене. Узнав цену, ахнула повторно (на сей раз про себя), потому что не ожидала, что будет так дорого, но со-

гласилась. Во-первых, потому что у Ламановой не торгуются, здесь не Охотный Ряд. Хочешь – соглашайся, не хочешь – шей у тех, кто попроще, глядишь, вместе с пошивом в четвертной уложишься. Во-вторых, замуж выходят один раз в жизни (про себя Вера откуда-то точно знала, что это будет один-единственный раз). Можно забыть о вечной своей экономике и пошить.

Владимир удивил выбором места для торжества. Вера ожидала чего-то строго-чопорного, под стать ее представлению об адвокатах, но никак не веселого, даже разгульного, загородного ресторана «Эльдорадо». Слава у него была та еще. То пьяные купцы в зале подерутся, то буйный гость в потолок выстрелит, то недовольный пением в певицу графином запустит. Загородный ресторан, одним словом. За город зачем ездят? За разгулом, подальше от глаз людских. Но Владимир заверил, что все будет хорошо, а выбор объяснил тем, что владелец «Эльдорадо» Илья Арефьевич Скалкин – его клиент, свой человек. Стало быть, можно рассчитывать не только на приличную скидку, но и на то, что и еда, и напитки будут высшего качества.

– Я наших рестораторов хорошо знаю, – добавил Владимир. – Кто не плут, тот выжига, а из званных обедов у них принято извлекать максимум выгод. Стоит только гостям немного захмелеть, как им начинают подавать какое-нибудь пойло вместо хороших вин, рыбу с душиком, мясо с прозеленью. Это называется «делать дупеля». Хочется, чтобы наш праздник

прошел без сучка без задоринки.

Вере тоже хотелось, чтобы без сучков и без задоринок. Единственный такой день в жизни, самый памятный. А еще она представила, как славно будет ехать из церкви в ресторан рядом с мужем (уже с мужем!) через всю Москву. На самом деле не через всю (венчаться собрались в церкви Вознесения у Никитских Ворот, в «большом Вознесении»), а через половину, но все равно радостно. Весна, солнце, любовь, радостные лица... В том, что день будет солнечным, сомнений не было, ведь на Пасху и на Красную горку всегда стоит хорошая погода.

Так оно и вышло – без сучков, без задоринок. Мама с бабушкой плакали, мама искренне, а бабушка так, для проформы платочек к глазам подносила. Наденька и Сонечка ликовали и откровенно завидовали тому, какая Вера красивая. После венчания ехали вдвоем на новенькой щегольской двойке. Молчали, потому что когда так хорошо, разговаривать совсем не хочется. Солнце уже не пригревало, а грело, да так, что Вера сбросила с плеч накидку. Владимир держал ее за руку, обручальное кольцо, к которому Вера еще не успела привыкнуть, сияло на пальце. Возле Страстного монастыря над ними вдруг закружилась белая голубка и кружила долго-долго, пока ползли в тесноте, да не в обиде, промеж других повозок до Старых Триумфальных ворот. Может, и дольше бы кружила, да извозчик, увидев вдруг открывшееся перед ним свободное пространство, оглушительно гикнул,

поднимая кнут, и спугнул птичку.

Обед ничем не отличался от других застолий подобного рода. Какое-то время поначалу гости произносили тосты, желая молодым всяческих благ, а затем разбились на группы (некоторые даже пересели) и заговорили о своем. Адвокаты – с адвокатами, коммерсанты – с коммерсантами, дамы делились не по профессиям, а по положению и возрасту. К Вере подошел Алексей, брат мужа, то есть деверь (слово новое, привыкать надо). Переглянулся с братом, улыбнулся понимающе и сказал:

– Иди уж к своим «аблакатам», братец, они тебя заждались. А я Веру постараюсь развлечь в твое отсутствие.

– Я бы прошлась немного, – воспользовалась случаем Вера.

В «Эльдорадо» все было хорошим – и блюда, и убранство, и вышколенные официанты в черных фраках, и мебель, и чудный зимний сад, только вот красивые стулья оказались неудобными. Как сядешь, вроде ничего, а минут через пять спина начинает деревенеть, и приходится то и дело ерзать. Вера не утерпела и пожаловалась на стул мужу. Владимиру было много легче уйти, потому что мужчины не носят корсетов, а без корсета сидеть всяко вольготнее, но тоже неудобно. Муж (это слово даже в уме произносить было упоительно) согласился, что стулья и впрямь неудобные, и рассказал, что всю мебель хозяину, Илье Арефьевичу, сделали на заказ, и обошлась она ему весьма не дешево. Вот оно как бывает, до-

рого, да не мило, хотя на вид стулья красивые, даже очень.

Алексей увел Веру в зимний сад. Вера за все время их десятилетнего знакомства толком с Алексеем не разговаривала и мнение о нем составила по рассказам мужа.

– Я – крючоктвор и немножко технарь, – говорил муж, намекая на свое увлечение автомобилями, – а вот брат мой старший – настоящий служитель муз. Он им всем служил, разве что кроме Урании⁷, но в конце концов стал музыкальным критиком. Ну и театральным заодно. Строгий у меня братец, ой какой строгий. Про него так говорят: «Холодный не критикует, а обухом прикладывает». Я сам его побаиваюсь немного.

Говоря «сам побаиваюсь», Владимир, разумеется, шутил. Он никого и ничего не боялся, и Вере с ним было очень спокойно. Да и сам Алексей совсем не был похож на человека, который «обухом прикладывает». Взгляд добрый, с губ почти не сходит легкая улыбка, злые люди так не смотрят и так часто не улыбаются.

При встречах Алексей непременно рассказывал какие-нибудь истории, анекдоты из божественной жизни. Вере нравилось не только как он рассказывает (выразительно, ярко), но и о чем. В историях Алексея не было пошлости и грязи, чужих тайн он не выдавал и в чужом белье не копался, рассказывал о другом. О проделках студентов консерватории. О том, как у скрипача Исаева украли прямо во время концерта ценную

⁷ Муза астрономии.

скрипку, а потом оказалось, что он ее сам за кулисами оставил. О том, как тот же Исаев вызвал другого скрипача на дуэль, да не обычную, а скрипичную – кто кого переиграет...

Сейчас Алексей тоже рассказал забавное. Некая генеральская вдова, сорока пяти лет от роду, пытается поступить в частную театральную школу актрисы Художественного театра Софьи Халютиной. Халютина в большом затруднении. Вдова и слышать не желает о том, что в ее возрасте поздновато начинать готовиться к сцене. Утверждает, что талант может проявиться и в старости, то грозит пожаловаться на Халютину градоначальнику, то прельщает ее тройной платой и пожертвованием пятисот рублей на нужды школы. Вера похихикала, уж больно смешно рассказывал Алексей, а сама в душе пожалела несчастную вдову. Мечтала всю жизнь о сцене, да, видно, сначала родители не пускали, а потом муж. И чего Халютина вредничает? Что, тройной оплаты за труды ей мало, да еще пятисот рублей в придачу? Открыла школу, так учи всех желающих, а там видно будет. Другое дело, если у вдовы способностей нет. Так речь идет не о способностях, а о возрасте.

– Что-то вы погрустнели, Вера... – обеспокоился Алексей, заметив тень, мелькнувшую на Верином лице. – Или устали? – Устала немного, – поддакнула Вера.

Не станешь же так вот, к слову, рассказывать, как тебя саму из балетной школы забрали (до сих пор иногда сцена Большого театра снится и Горский в зрительном зале). И

про то, как старательно растягивала пальцы, обучаясь игре на фортепиано, тоже не хотелось рассказывать. При чем тут фортепиано? При том, что, потерпев фиаско с балетом, Вера решила стать актрисой, как тетя Лена. А актрисе для карьеры непременно надо уметь петь и играть на фортепиано. И про участие в любительских спектаклях, и про то, как тетя Лена похвалила Верину Ларису в «Бесприданнице», и про многое другое... Добрую половину из всего этого Вера еще мужу рассказать не успела.

Алексей предложил посидеть в одном из свободных кабинетов при зимнем саде. К радости Веры, там оказались не давешние стулья, а уютные мягкие кресла и столь же удобные диваны. И никакой публики, а то многолюдье уже начало утомлять. Официанта, который вошел следом за ними, Алексей отослал за шампанским, а затем посмотрел на Веру с каким-то странным, новым, выражением и сказал:

– Я бы хотел поговорить с вами, Вера, об одном весьма серьезном деле. Только прежде вы должны дать мне слово, что о нашем разговоре никто не узнает. Даже Владимир.

Вера сильно удивилась подобному повороту событий. Сначала подумала, что Алексей станет признаваться ей в любви. А что? Случается ведь и такое. Старшая сестра Тани Тутубалиной, Вериней одноклассницы, чуть ли не из-под венца сбежала с родным братом своего жениха, гвардейским поручиком. И обвенчалась с ним где-то под Зарайском. Тания два месяца потчевала подруг романтическими историями

про сестру. Но Алексей смотрел не так, как смотрят влюбленные или хотя бы вождедеющие. В глазах его не было никакого блеска, один только интерес. Чувствовалось, что Вера интересна ему как человек, а не как женщина. Может, он вообще не интересуется женщинами, раз не женат до сих пор, а ведь ему уже хорошо за тридцать.

– Даю вам слово, – сказала Вера, сообразив, что слишком, до неловкости, затянула с ответом.

А кто бы не дал на ее месте? Любопытство – это не грех и не порок. Это страсть, которая как начнет жечь тебя изнутри, так хоть караул кричи. Тебе собираются поведать тайну, и, судя по всему, весьма важную. Возможно ли прервать разговор и уйти?

Алексей удовлетворенно кивнул, давая понять, что иного ответа он и не ждал.

– Вы хотели бы послужить Отечеству, Вера? По-настоящему, всерьез? Но хочу сразу предупредить, что это может быть немного...

– Опасно?! – восхищенно выдохнула Вера, обожавшая всяческие авантюры с приключениями и зачитывавшаяся Понсоном дю Террайлем⁸.

– Оригинально, – улыбнулся Алексей.

Таинственно да вдобавок оригинально! Вера едва не захлопала в ладоши от восторга, но смогла удержаться от столь

⁸ Популярный в то время французский писатель, мастер авантюрно-приключенческого жанра, создатель серии романов о разбойнике Рокамболе.

бурного проявления чувств. Алексей сказал, что дело серьезное, значит, и вести себя следует серьезно. Несерьезным людям серьезных дел не поручают.

3

«За прошлый год в Москве было 42 956 смертных случаев, т. е. на 3358 случаев больше, чем в предшествовавшем году. Если исключить холерный 1892 год, то такой смертности в Москве не было с 1886 года».

Газета «Новое время», 13 мая 1910 года

Две неожиданности случились на свадьбе – предложение Алексея и глупая Наденькина затея.

Вы хотели бы послужить Отечеству? Она, Вера Левченко, теперь, впрочем, уже не Левченко, а Холодная (привыкайте, привыкайте скорее, Вера Васильевна), и «послужить Отечеству»? Рада бы, да как?

Под парфе⁹, которое вместе с шампанским по собственному почину принес официант, Алексей изложил суть своей просьбы. Было так интересно, что большую часть времени Вера просидела с открытым ртом и ложечкой в правой руке, забыв про таявшее лакомство. Оно и к лучшему, потому что съедено сегодня и без того было много. А вот Алексей ел как ни в чем не бывало, обстоятельно, с удовольствием, даже не ел, а лакомился. Вера где-то слышала, что все муж-

⁹ Разновидность холодного десерта (от *фр.* parfait – безукоризненный, прекрасный). Представляет собой взбитые с сахаром и затем замороженные сливки с различными добавками (ваниль, фруктовый сироп, кусочки фруктов).

чины, которые любят сладкое, сладострастники и распутники, и весьма радовалась тому, что ее Владимир ни тортов, ни печений, ни пастилы, ни шоколада не жаловал. Вот фрукты любил, это да, мог за один присест целую вазу яблок сгрызть.

– Получилось так, что основным моим занятием стало не то, что на виду у всех, а то, чего никто не видит, – загадочно начал Алексей. – Я, Вера, служу в... некоем делопроизводстве, которое занимается выявлением иностранных шпионов и их здешних пособников...

Иностранных шпионов! Вера сразу же представила восхитительную картину. Ночь, льет дождь, сверкают молнии, а Алексей в черном плаще и надвинутой на лоб шляпе с черными полями, выслеживает шпиона. Бесшумно крадется за ним по улице (вроде бы по Ордынке, с чего бы именно по ней?), замирает при каждом шорохе, прячется в подворотне. В рукаве у Алексея стилет, за поясом – револьвер, к правой ноге на специальных ремешках прикреплен кинжал. Ловко прикреплен, так, что при обыске не найти. В левой руке Алексей держит потайной фонарь, с помощью которого время от времени подает сигналы своим помощникам...

– Я вам доверяю тайну, которую знают только причастные. Брат мой ничего об этом не знает. И пусть он дальше остается в неведении...

Вера кивнула – да, конечно, я же дала слово. К честному слову она относилась очень строго. Не давши – крепись, а уж если дала, то держись. Иначе позор, бесчестье, невозможно

будет людям в глаза смотреть. Видимо, Алексей подметил в ней эту черту, потому и доверился. Ну и любовь к приключениям тоже, наверное, успел разглядеть. Во всяком случае, в сентябре прошлого года он мог видеть, как Вера на пикнике читала Рокамболя.

Вера ожидала чего-то невероятного, но поручение Алексея ее разочаровало. И отчасти даже возмутило. Разочаровало своей прозаичностью, а возмутило нехорошим душком, от него исходившим. Слугам Отечества понадобилось подсунуть (другого слова и не подберешь) своего человека в окружение австро-венгерского военного атташе графа Лелио фон Спаннокки, майора их австрийской армии, ловеласа, бонвивана и вместе с тем весьма скрытного и осторожного человека. Вере очень хотелось спросить, красив ли Спаннокки, но столь явно выраженное легкомыслие могло бы испортить все дело. Вдобавок Алексей мог плохо подумать о жене брата. Впрочем, неизвестно, что Алексей на самом деле думал, потому что в речи его прозвучали такие слова, как «вы в его вкусе» и «очаровать».

– Спаннокки часто наезжает в Москву из Петербурга по своим делам. Встречается с агентами, получает сведения, заводит знакомства. Если в Петербурге, а на глазах у посла и прочих посольских чиновников, которые по долгу службы обязаны следить друг за другом, Спаннокки приходится несколько сдерживать свои... порывы, то в Москве он дает себе волю. Не так, разумеется, как охотнорядские купчики, а

деликатно. Европейец все же, аристократ. И, что самое главное, ему нравятся женщины вашего, Вера, типа. В нашем деле очень важно учитывать предпочтения противника...

Видимо, услышав эти слова, Вера не смогла скрыть своего возмущения, и что-то такое отразилось на ее лице, потому что Алексей сразу же начал успокаивать.

– Нет-нет, вы, должно быть, совсем не о том подумали. Как можно! Нет, все останется исключительно в рамках приличия, и дело ни в коем случае не пойдет дальше совершенно невинного флирта! Вам нужно будет улучшить момент, добавить Спаннокки в шампанское или в вино снотворного и заглянуть в портфель, который он постоянно носит с собой...

Заглядывать в чужие портфели тоже не комильфо, но тут все зависит от случая. Если достоинством своим и женской честью жертвовать нельзя ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, то порыться в портфеле у шпиона вполне допустимо. Он же первый начал – приехал к нам под видом приличного человека, дипломата, а сам занимается мерзкими делишками. Сказано же в Писании, что какой мерой вы мерите, такой и вам будет отмерено. Ради пользы Отечества через многое можно переступить. Не через все, конечно, иначе получится, что переступила через себя саму, но через многое. А имя у Спаннокки красивое, музыкальное. Ле-ли-о-фон-Спан-нок-ки! Ле-ли-о-фон-Спан-нок-ки! Ля-ля-фа... Менуэт... Нет, человек с таким именем просто не имеет права быть некрасивым! И в то же время в фами-

лии Спаннокки слышится опасность. Спаннокки похоже на стаккато – острый, отрывистый звук, похожий на укол шпаги. Тревожно...

Красив Спаннокки или нет, для дела большого значения не имело, можно сказать, что не имело никакого значения, поскольку для Веры отныне и навсегда существовал только один мужчина – ее законный супруг. Но иметь дело с красивым человеком во всех отношениях приятнее, чем с некрасивым. Вера любила все красивое – чувства, людей, вещи. Вдруг Вера сообразила, что наружность Спаннокки все-таки имеет значение для дела. Если он красив, то легко поверит в то, что смог заинтересовать Веру. Без интереса ведь никакого флирта не бывает. Все естественно и подозрений вызывать не должно. А если, к примеру, Спаннокки лыс, толст, пучеглаз, да вдобавок еще у него на носу бородавка (Веру аж передернуло от перспективы иметь дело с таким уродом, пусть даже и ради пользы Отечества), то тогда Верин интерес к нему может показаться подозрительным. Впрочем, всегда можно изобразить корыстные мотивы. Корыстные мотивы в двадцатом веке ни у кого подозрений не вызовут. Время такое, расчетливое, «арифметическое», как говорил покойный отец. Отец был словесником, но к точным наукам относился с уважением и хорошо в них разбирался.

Вера поколебалась немного (искренне колебалась, не жеманничала) и согласилась помочь деверю и Отечеству.

– Вера, я на вас надеюсь, – сказал Алексей. – Если бы я

мог обратиться к кому-то другому, то не стал бы...

Вера обиделась. Сильно обиделась, потому что все скопившиеся за сегодняшний день чувства требовали выхода.

– Напрасно вы так! – запальчиво воскликнула она. – Это даже обидно! Выходит, что... что... что...

Чувств было много, а слова за ними не успевали. Вера никак не могла подобрать нужного оборота, чтобы выразить Алексею свое недовольство в недвусмысленной, но в то же время деликатно-сдержанной форме. Родственник ведь, а теперь еще и кто-то вроде компаньона. Но слова никак не желали приходить на ум, и пришлось выражать эмоции жестами. Вера резко взмахнула левой рукой (правая так и была занята – держала ложечку) и сбила со стола вазочку с подтаявшим парфе. Вазочка была мельхиоровой, поэтому не пострадала, но загустевшие от холода сливки весьма живописно растеклись по дороговому ковру. В пятне Вера углядела длинноклювую птицу, раскинувшую крылья и распушившую хвост, и подумала, что это тоже, наверное, к счастью, как и давешняя голубка. Сливки-то тоже белые.

Вера смущенно ойкнула, зачем-то вскочила на ноги, опрокинула при этом кресло и теперь уже смутилась окончательно. На шум прибежали сразу два официанта и стали наводить порядок, а Вера и Алексей вернулись к гостям.

Поразительно, но столь долгого отсутствия невесты, казалось, никто не заметил. Вера ожидала, что сейчас все обернется и станут спрашивать, где она была, но на нее обратила

внимание только сестра Наденька. Подбежала, сердито топнула ножкой и совсем по-взрослому ворчливо сказала:

– Обыскалась уже вся, нет тебя и нет. Пошли!

Левую руку Наденька держала за спиной. Там явно что-то было. Наденька обожала каверзы, сюрпризы, загадки. По настроению могла и откровенную пакость учинить. Не со зла, а так, веселья ради. Положит, к примеру, спящей Вере на подушку дохлую мышь (брезгливости у Наденьки ни на грош не было) и предвкушает, как, проснувшись, сестра станет визжать громче иерихонских труб. Вера на правах старшей сестры нередко лечила Наденьку от этой болезни подзатыльниками. Сейчас сестра держалась уверенно, понимала, что на публике, да еще и в такой день, Вера ей ничего плохого не сделает.

Уверенно лавируя между гостями, Наденька подвела Веру к Владимиру, разговаривавшему у окна с двумя гостями. Одного, высокого, лет пятидесяти, с заостренными чертами лица и большими залысинами, Вера знала. Господин Нирензее, Эрнест Карлович, варшавский мещанин, инженер-архитектор и удачливый строительный подрядчик. Настолько удачливый, что остановись в Москве (в приличной ее части, разумеется), оглянись по сторонам и непременно увидишь дом, которым Эрнест Карлович владеет или который он построил, а потом кому-то продал. У Владимира с Эрнестом Карловичем были общие дела. Нирензее и его брат Карл часто судились. То с домовладельцами, недовольными строитель-

ством у себя под боком, то с поставщиками, то с арендаторами, то еще с кем. «Оба брата – люди хорошие, честные, – говорил о них Владимир. – Это занятие у них такое беспокойное». Кроме того, Эрнест Карлович состоял членом Московского отделения Императорского автомобильного общества, участвовал в автопробегах, и эта любовь к автомобилям еще больше сблизила его с Владимиром. Сблизила настолько, что, узнав о предстоящей женитьбе Владимира, Эрнест Карлович предложил ему квартиру в одном из своих домов, стоявшем на углу Пятницкой и Большого Овчинниковского переулка. Дом был относительно новым, построенным всего лет семь или восемь назад, то есть был уже обжитым, но без недостатков, присущих старым постройкам. За квартиру из шести комнат во втором этаже, над магазином галантерейных товаров Крестовникова, прекрасную, светлую, просторную, оборудованную всеми положенными в двадцатом веке удобствами, вплоть до телефона и большой медной ванны, Эрнест Карлович установил смешную плату в пятьдесят рублей в месяц. Это было вдвое, а то и втрое ниже обычных московских цен. Вдобавок Эрнест Карлович пообещал, что не станет ежегодно, в августе месяце, повышать арендную плату, как это обычно делается в преддверии осеннего ажиотажа по найму жилья. «Я достаточно обеспечен для того, чтобы не наживаться на приятных мне людях», – сказал он. Владимир потом шутил, что Эрнест Карлович даже убыток умеет делать таким образом, чтобы от него была польза. Те-

перь, говорил, и я должен буду братьям Нирензее скидки давать, взаимообразно. Щеки надувал, головой качал, но Вера понимала, что муж шутит. Владимир был прагматичным, расчетливым, но не меркантильным. «Деловой человек без торгашеского душка», – с одобрением сказала однажды про него Елена Константиновна. Вере приятно было слышать такие слова от человека, мнением которого она дорожила.

Второй мужчина, коренастый крепыш с короткой бородкой и живыми, подвижными глазами, оказался адвокатом Кульбицким. Вера что-то о нем слышала от Владимира, но плохое или хорошее, вспомнить не могла. Да, собственно, вспоминать ничего и не понадобилось, потому что всеобщим вниманием сразу же завладела Наденька. Снисходительно выслушав комплименты в свой адрес, «прелестное дитя», оно же «милый ребенок», соизволило вытащить руку из-за спины. В руке оказалась косточка от куриной грудки. Не свежеобглоданная, а старая, сухая и чистая. Заранее приготовила, поняла Вера.

– Держите! – Наденька подняла косточку вверх. – Жених берется за один конец, а невеста за другой, и каждый тянет на себя. Кто больше отломит, тот другого переживет...

– Но мы уже не жених и невеста, а муж и жена, – с улыбкой уточнил Владимир.

Вера же, стараясь, чтобы этого не заметили окружающие, сделала страшные глаза, но это не смутило сестру.

– Не важно, – сказала она Владимиру. – Пусть будет муж

и жена.

– Что за глупости?! – попробовала возмутиться Вера. – Надя, не выдумывай!

Наденька насупилась, набычилась так, что концы банта стали торчать вперед, словно рога. Нижняя губа ее мелко задрожала...

– Ну, хорошо, давай! – раздраженно сказала Вера, забирая у сестры косточку и протягивая свободный конец Владимиру.

Только истерики на публике ей не хватало. На что, на что, а на истерики Наденька была такая мастерица, что тетя Лена только закатывала глаза и восхищенно ахала, говоря при этом: «Боже мой! Какой темперамент!» По Верину мнению, то был не темперамент, а избалованность. Строгости дома нет никакой, мать все время болеет, бабушка стала такой набожной, что ни о чем, кроме божественного, не думает, Вера после каждого подзатыльника неделю переживает и закармливает сестру сладостями, вроде как прощения просит за свою несдержанность. Вот Наденька и вытворяет все, что вздумается. Нет, лучше уступить, чем слушать ее рецитал.

Владимир послушно взялся за другой конец косточки, а Алексей, принявший на себя роль арбитра, скомандовал:

– Внимание! Приготовиться! Тяните!

Владимир дернул резко, а Вера еще резче, чем он. Доставлять удовольствие ребенку так доставлять. Большая часть

косточки осталась у Владимира. Верин отломок был малюсеньким, с полвершка, не больше.

– Bravo! – Довольная Наденька захлопала в ладоши и ускакала прочь.

Вера поискала глазами, куда можно деть косточку, и, за неимением лучшего места, сунула ее в стоявший на подоконнике горшок с пеларгонией. Владимир последовал ее примеру.

– А в Варшаве гадают на воске и, конечно же, на картах... – начал Нирензее.

Он был родом из Варшавы, до сих пор называл себя «варшавским мещанином» и приплетал Варшаву и варшавские порядки с обычаями куда только можно. Причем всякий раз у него все варшавское выходило наилучшим.

– Вот ты где! А я уже думала, что ты сбежала с собственной свадьбы, как актриса Шивогорнова!

Подруга Машенька была девушкой непосредственной, эффектной, склонной к эпатажу. Другая бы на месте Веры могла обидеться подобному сравнению, потому что репутация у Шивогорновой была не самая хорошая. Даже можно сказать, что очень плохая. Одно лишь прозвище Вавилонская Блудница говорило само за себя. Нет на свете красивой женщины, о которой бы не судачили злые языки (на то они и злые), но для того, чтобы стать притчей во языцех, надо изрядно постараться. Минувшей осенью Шивогорнова собралась замуж за какого-то богатого ярославского купца, но

утром в день свадьбы вдруг исчезла (жених, говорят, сильно убивался, бедняга) и объявилась только спустя пять дней в Петербурге, в компании известного повесы барона Святогогора-Штепина.

– Как видишь – нет, – ответила Вера.

Владимир представил Машеньке Нирензее и Кульбицко-го. Назвать себя Машенька ему не дала – опередила и сказала:

– Зовите меня просто Машенькой, мне так нравится. Для отчества я еще не так стара, а фамилия моя не имеет значения, потому что я собираюсь вскоре сменить ее.

Фамилия у Машеньки была прозаической – Плотникова, и она очень ее стеснялась. «Ну что это за фамилия для актрисы? – жаловалась она Вере. – Горская, Книппер, Роксанова, Коонен – вот это годится, а Плотникова – нет. Хуже только какая-нибудь Лясько или Кровопускова!» Когда узнала, что Вера выходит замуж, первым делом поинтересовалась фамилией ее будущего мужа и одобрила: «Вера Холодная – это звучит! И подходит тебе, то есть совсем не подходит, потому что ты обжигашь взглядом, но составляет пикантный *contrast*!»¹⁰ Машенька одобряла заветное Верино желание стать актрисой и утверждала, что у нее есть «громадные задатки».

– Большинству женщин рано или поздно приходится это сделать, – сказал Нирензее, многозначительно посмотрев на

¹⁰ Контраст (*фр.*).

Веру.

– Но не всегда для этого надо выходить замуж! – и рассмеялась, увидев удивление на лицах новых знакомых.

Увидев, как заискрились в глазах подруги озорные огоньки, Вера поспешила увести ее, пока та не выкинула какой-нибудь фортель. Заодно подумала, что уже начала вести себя, как положено заботливой жене – оберегает репутацию мужа от Машенькиных *escapades*¹¹.

¹¹ Эскапады, экстравагантные выходки.

4

«Из Мадрида сообщают, что здесь арестован известный анархист Джордан. При нем найдено 30 динамитных патронов и секретная переписка. При аресте Джордан оказал сопротивление, но затем дал весьма интересные показания, касающиеся международных связей руководителей анархического кружка с определенными кругами в Лондоне, Париже, Берлине и Риме».

** * **

«В Москве только и говорят, что о предстоящей дуэли между городскими гласными Гришиным и Елфимовым. Причиной дуэли явилось оскорбление словами, нанесенное Елфимову Гришиным во время одного из заседаний. Напомним, что Елфимов – председатель санитарной комиссии, деятельность которой в последние годы вызывает одну лишь критику, порой весьма резкую, как это было в случае с Елфимовым. Секунданты принимают меры к улаживанию конфликта, но пока эти меры остаются безрезультатными. Чинам полиции предписано принять все возможные меры к проведению дуэли, если противники все же соберутся стреляться. Как известно, Елфимов превосходно стреляет.

Он дважды участвовал в стрелковых соревнованиях, устраиваемых Императорским обществом размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, и удостоивался призов».

Газета «Новое время», 1 июня 1910 года

О разговоре с Алексеем и его поручении Вера помнила все время, но заняться этим делом смогла только через неделю после свадьбы. Даже не через неделю, а через восемь дней, в понедельник третьего мая, когда Владимир впервые после недельного перерыва уехал к себе в контору. «Адвокатская контора В. Г. Холодного. Ведение гражданских и судебных дел» было написано на строгой медной табличке, висевшей на доме Фалеевых в Милютинском переулке. Впервые посетив контору Владимира (это было в самом начале их знакомства), Вера удивилась размерам вывески. «Почему такая маленькая?» – простодушно спросила она, косясь на висевшую на противоположной стороне улицы вывеску магазина колониально-бакалейной торговли купца Чуприкова, огромную, едва ли не в полдома. Владимир, перехватив ее взгляд, понимающе усмехнулся и сказал, что адвокату можно вообще без вывески, потому что к нему так вот, мимоходом, не заходят, кому надо, тот найдет, а кому не надо, того никакой вывеской не заманишь. Вывеска адвоката – это его репутация.

Прощались долго, обстоятельно, будто не на несколько часов, а на год. Владимир клятвенно обещал приехать обедать

домой, и вообще, женившись, он намеревался всегда обедать дома. Зачем тратить лишние деньги, если дома есть любящая жена и ее верные помощницы – горничная Клаша и кухарка Ульяна? Вере в первую неделю пришлось привыкать не только к мужу и семейной жизни, но и к горничной Клаше, и к кухарке Ульяне.

Семейная жизнь оказалась замечательной, Вера даже не ожидала, что настолько. Во всех смыслах, начиная с того, о чем можно рассказывать, и заканчивая тем, о чем не то что рассказывать, а даже думать стыдно. Хотя почему стыдно, если делаешь это со своим законным, венчанным мужем? Но все равно, вспоминая днем о том, что было ночью, или думая о том, что будет следующей ночью, Вера чувствовала, как у нее начинают гореть уши. Она в какой-то мере была подготовлена к браку. Читала фривольные французские романы, наслушалась кое-чего от более опытных (или хотевших казаться таковыми) подружек, да и маман накануне свадьбы, смущаясь и запинаясь через слово, пыталась поведать Вере о том, что представляет собой исполнение супружеского долга. Но Вера и вообразить не могла, что это так восхитительно, так упоительно, так замечательно. Каждую ночь она по нескольку раз умирала приятнейшей из смертей и возрождалась к жизни. И какой зануда придумал назвать это восхитительнейшее из занятий «исполнением долга», удивлялась Вера. Это надо было назвать супружеской радостью! Сладостью! Вкушением сладости супружества, только так и никак

иначе!

Привыкание к Клаше с Ульяной было не столь радостным. Обе поначалу захотели взять верх над молодой хозяйкой, не иначе как сочли, что она ничего не понимает в хозяйственных делах. Это Вера-то, на плечи которой после смерти отца легла большая часть хозяйственных забот, не понимала? Как бы не так! Она просто не любила афишировать эту сторону своей жизни. Какой смысл докладывать всем, что после смерти отца жизнь из небогатой превратилась в откровенно бедную, что мать часто болела, а бабушка с таким усердием принялась искать себе вечного спасения, что на земные дела совсем не обращала внимания? Так вот и держались – стараниями Веры и заботами тети Лены, ежемесячно, по-родственному, помогавшей деньгами.

В понедельник после свадьбы Вере было не до хозяйства. Во вторник тоже. В среду она кое-что подметила, но на первый раз смолчала. В четверг сделала прислуге замечания, которые были выслушаны без должного почтения, а скорее даже с возмущением. Можно было «расставить знаки препинания», как выражался отец, и в четверг, но Вера решила подождать до пятницы, вдруг дойдет до людей. Не дошло. В пятницу утром Вера прошла с Клашей по всем шести комнатам, указала ей все огрехи, допущенные во время уборки, и потребовала их немедленного устранения, пригрозив оштрафовать на три рубля в случае повторного проявления нерадивости. Владимир смеялся и назвал Веру «Наполеоном».

Да хоть Аттилой назови, лишь бы прислуга слушалась.

Вернувшейся с провизией Ульяне Вера учинила строгий разбор. Перебрала все покупки, указала на недостатки (карп ощутимо подванивал, не иначе как задешево купила) и обнаружила столь доскональное знание цен, что Ульяна, не сходя с места, покаялась и даже вернула «сэкономленные», как она называла краденое, деньги – два рубля семьдесят две копейки.

– Бес попутал! – причитала она. – Сорок лет честно прожила и вот оскоромилась. Простите меня, Вера Васильевна, дуру грешную!

В субботу утром квартира сияла такой чистотой, что хоть архиерея в ней сели, провизия оказалась наисвежайшей, отличного качества и была куплена за настоящую цену. Вдобавок на кухне перестало постоянно что-то подгорать, а дверные петли, для смазки которых Клаша по своему почину пригласила дворника Егора, перестали скрипеть. Егор, по словам Клаши, имел к ней «антирес», которого она совершенно не разделяла, и потому оказывал ей разные мелкие услуги бесплатно, в надежде, что рано или поздно Клаша смягчится.

– Вот ты у меня какая! – восхищался Владимир. – Я-то думал, что клад нашел, а оказалось, что целых три.

Так и пролетела неделя – в любви, хлопотах и визитах. С визитами выезжали каждый день. Молодоженам положено как можно чаще бывать в обществе. Глупое на самом де-

ле правило, не иначе как какой-то холостяк его придумал. Молодоженам надо как можно больше времени проводить друг с другом, считала Вера. Привыкать, узнавать, открывать, наслаждаться. А общество может и подождать, за время свадебного обеда так наобщалась, что потом неделю никого, кроме мужа, видеть не хотелось.

Алексей пришел в субботу, отобедать по-родственному. Держался как обычно, таинственных знаков не делал, намеков не подавал. Дождался, когда Владимир выйдет, быстро достал из кармана конверт из плотной желтой бумаги и положил перед Верой. Вера, недолго думая, спрятала конверт под скатерть. Алексей улыбнулся и покачал головой. Вера уже поняла, что сваяла дурака – конверт было видно под скатертью. А вдруг еще вино или чай прольется на это место? Но перепрятывать было уже поздно, вернулся Владимир. Поэтому Вера поспешила бросить на то место, где лежал конверт, салфетку и немного волновалась, когда Владимир наливал в ее бокал мускат-люнель.

Когда братья ушли в кабинет к Владимиру курить сигары, Вера перепрятала конверт в книгу «Le Rouge et le Noir»¹², которую перечитывала на досуге. Алексей вернулся первым и быстро, пока не пришел Владимир, проговорил Вере:

– Там фотография и перечень мест, где он бывает. С примечаниями. Как устроить знакомство, придумайте сами. Детали обсудим позже, время у нас есть. Он должен приехать

¹² «Красное и черное» (*фр.*), роман Стендаля.

на Троицу. Пробудет в Москве неделю, уедет ненадолго и снова вернется. Сведения верные. Только помните, что знакомить вас некому, придется действовать самой. Чем меньше людей, тем меньше огласки.

Мог бы и не говорить такие банальности. Вера все прекрасно понимала. Знакомить ее со Спаннокки некому, потому что любое знакомство через кого-то может выглядеть преднамеренным и способно насторожить или вызвать недоверие. Ясно, что придется действовать самой. Мелькать поблизости и ожидать, чтобы Спаннокки обратил на нее внимание. А как же еще?

Вскоре Алексей ушел, не сказав больше ни слова о деле. Веру так и разбирало любопытство. Хотелось уединиться и скорее вскрыть конверт, но она благоразумно отложила ознакомление с его содержимым до позднего вечера. Днем надолго уединиться не получится – или Владимир нарушит уединение, или Клаша с очередным вопросом явится. Лучше потом, да и в гости пора было собираться. Сегодня ужинали у присяжного поверенного Лежнева, приятеля Владимира. Вернувшись домой, долго болтали, не наговорились за день, потом долго любились, и только во втором часу ночи, когда Владимир заснул крепким сном, Вера выскользнула из спальни в столовую, зажгла свечу, достала из своего импровизированного тайника конверт, вскрыла его булавкой и стала знакомиться с его содержимым.

Первым делом рассмотрела единственную вложенную в

конверт фотографическую карточку. На ней был изображен брюнет средних лет и довольно приятной наружности. Коротко подстриженные волосы, умный взгляд (сразу видно, что не Солдафон Казармыч какой-нибудь), усы щеточкой, волевой подбородок. Нос слегка длинноват, но не сильно. Впрочем, итальянцу положено быть носатым, нация такая. Рассмотрев карточку и так и сяк, разве что только вверх ногами не поворачивала, Вера признала Спаннокки симпатичным. Порадовалась этому приятному обстоятельству, отложила фотографию, достала свернутые вчетверо листы, развернула и приступила к чтению.

Листов было два, оба они были напечатаны на машинке, а не написаны от руки. Вера решила, что так, наверное, надо для конспирации. Опять же и карточка не подписана, и конверт не надписан. Листы содержали перечень мест, открывавшийся гостиницей «Лейпциг» на Кузнецком Мосту и заканчивавшийся рестораном Крынкина на Воробьевых горах. Вера без труда догадалась, что здесь перечислены те места, в которых бывает Спаннокки. Удивилась немного тому, что австрийский военный атташе останавливается в «Лейпциге» (других гостиниц в перечне не было), а не в «Метрополе» или, скажем, в «Национале». Немного поразмыслив над этим обстоятельством, Вера решила, что в «Лейпциге» Спаннокки, должно быть, удобнее обтяпывать свои неблаговидные делишки.

Вера уже начала было составлять в уме план знакомства,

но тут веки ее начали наливать свинцовой тяжестью, а мысли стали путаться. Пришлось срочно возвращаться в спальню, а то так и уснуть за столом недолго. Конверт Вера не стала возвращать в книгу, а положила в шкатулку для рукоделия, которая хранилась здесь же в комод. Так надежнее, книгу может взять Владимир или Клаша, вытирая пыль, случайно уронит ее, а в шкатулку никто, кроме Веры, не полезет.

В воскресенье все было недосуг, поэтому пришлось отложить составление планов на понедельник, чтобы заняться ими после ухода мужа. Вера была уверена, что стоит ей только сесть и подумать полчаса в тишине и покое, как она придумает замечательный план. Настолько замечательный, что Алексей ахнет. Когда никто не мешает, так славно думается...

Увы, оказалось, что в тишине да покое хорошо думается только над арифметическими задачками. Ну и мечтается тоже хорошо, а вот что касается придумывания планов, то с этим полная беда. Этак до самой Троицы ничего не придумаешь, что тогда? И Отечеству не сможешь, и перед Алексеем осрамишься, и сама себя уважать перестанешь. Надо же – взрослая женщина не может придумать, как бы ей полочнее познакомиться с мужчиной! Надо призвать на помощь коварство, очарование и вообще все, что только можно призвать... Ладно, призовешь, а что потом с этим всем делать? Где пускать в ход коварство? Где обольщать-очаро-

вызвать? Как? Подойти, улыбнуться и сказать: «Сударь, ваши прекрасные глаза ранили мое сердце! Давайте познакомимся». Так недолго и за девицу легкого поведения сойти...

Случайно столкнуться в дверях «Лейпцига» или еще где? Уронить ридикюль? Хороший предлог для знакомства, слов нет. При условии, что Спаннокки захочет знакомиться. Успеет ли он рассмотреть Веру и понять, что она в его вкусе? (Как можно думать вот так о посторонних мужчинах на первом месяце семейной жизни?) Будет ли у него время? Вдруг он будет торопиться на какую-нибудь встречу? Не заподозрит ли он подвоха? Нет, случайное столкновение отпадает. Нужно поступить так, как поступают охотники, – сесть в засаду и ждать дичь. Разбойники тоже так делают – садятся и ждут.

Вопрос в том – где сесть? Где одинокая женщина может сидеть подолгу и не раз, не вызывая подозрений? Только в ресторане, причем в приличном. Желательно еще, чтобы место было особое, располагающее к думам и мечтаниям. Перебрав весь список, полученный от Алексея, Вера остановилась на модном ресторане Крынкина, что на Воробьевых горах. Помимо главного преимущества – того, что там бывает Спаннокки, – ресторан имел ряд дополнительных. В первую очередь – виды. Виды из ресторана, забравшегося на самый гребень Воробьевых гор, были поистине замечательными. Вся Москва как на ладони. Сядь у окна или на террасе, если погода позволяет, и смотри да любуйся сколько угод-

но. Все подумают, что романтическая барышня (не забыть бы спрятать обручальное кольцо!) замечталась. Говорят, что при желании у Крынкина можно получить подзорную трубу... Впрочем, нет, труба не годится. Будет выглядеть так, словно Вера кого-то высматривает, да и лицо у смотрящего в трубу человека некрасиво искривляется. И не видно его толком, лица-то. Нет, обойдусь без подзорной трубы, решила Вера и стала думать дальше. Вторым преимуществом Крынкина были цены. На самом деле, с точки зрения Веры, недостатком, потому что очень дорого, но в этом случае – преимуществом. В дорогих ресторанах официанты вышколены и не станут стоять над душой, побуждая заказать еще что-нибудь, расплачиваться и уходить или освободить стол. Такое практикуется только в местах попроще, например, в кондитерской Скворцова в Трубниковском переулке или в «Пальмире» на Петровском бульваре. Про деньги Вера не думала. Они не обсуждали денежного вопроса с Алексеем, но как-то само собой подразумевалось, что Вера получит какую-то сумму на расходы или что расходы будут ей возмещены.

Ладно, пусть у Крынкина. Удобно. Но под каким соусом преподнести графу Спаннокки знакомство? Возможно, что придется приезжать к Крынкину несколько раз. Место там не такое, куда заходят мимоходом. Ресторан стоит на отшибе, и туда приезжают с намерением отобедать именно здесь. Ну и видами полюбоваться, как же без них. Сама Вера никогда у Крынкина не бывала, но слышала много. Знала и про

виды, и про подзорную трубу, и про дороговизну, и про террасу, и про веселые цыганские пляски, и про то, что нередко там происходят скандалы... Скандалы! Туда, наверное, не стоит идти одной. Может, попросить Алексея... «Что за глупости?!» – возмутилась Вера, досадуя на собственную несообразительность. Действительно, как можно ехать в сопровождении одного мужчины для того, чтобы познакомиться с другим. Ничего страшного – в ресторане ведь, на людях. Если кто вдруг и начнет вести себя непотребно, то его официанты утихомячат. Или кто-то из публики. Хорошо бы, если Спаннокки...

Вера представила, как к ней пристаёт толстый, вдрызг пьяный купец с расчесанными на прямой пробор волосами и окладистой бородой, а Спаннокки встает из-за соседнего столика, берет купчину за шиворот и отшвыривает прочь. А потом пристально смотрит на нее... Представила и сообразила, что навряд ли Спаннокки станет ввязываться в скандал. Ему, наверное, полагается вести себя так, чтобы на него поменьше обращали внимание. Может, он приезжает в Москву инкогнито, с того и в «Лейпциге» останавливается. Вполне вероятно. Нет, он не станет вступаться за даму, даже понравившуюся, на глазах у всего ресторана.

– Тоньше надо, Верочка, тоньше, – сказала себе Вера, глядя в ручное зеркальце, подаренное Владимиром еще до свадьбы.

Зеркальце было простеньким, в серебряной оправе без ка-

ких-либо изысков, но ведь ценность подарка в первую очередь определяется тем, кто его подарил, а уже потом всеми остальными соображениями.

Тоньше надо, тоньше... А как? Все очень сложно, хоть и казалось простым на первый взгляд. Простые сложности...

«Выявлены нарушения в розыгрыше приданого для бедных невест из оставленных для этой цели благотворителями капиталов, происходившем 15 мая сего года в купеческой управе. Все три главных выигрыша по 600 р., предназначенных для бедных невест всех сословий, получили знакомые заседателя управы Плужникова, руководившего организацией розыгрыша. Одну из них, вдову титулярного советника Н., Плужников записал девицей, чтобы она смогла принять участие в розыгрыше. Согласно принятым правилам, получить деньги невесты могут только по выходе замуж, но для своих знакомых Плужников сделал исключение. Можно предположить, что и с прочими выигрышами (по 300, 200, 160, 150 и 100 р.) дело обстояло не совсем чисто».

Газета «Московские ведомости», 4 июня 1910 года

Окончательно план сложился через три дня – в четверг. Вере план понравился. Не за неимением лучшего, а потому, что он и впрямь был хорош. Историю она себе придумала такую – романтическая любовь. В подробности можно и не вдаваться, незачем, главное то, что между Верой и ее мнимым возлюбленным был заключен уговор – встречаться у Крынкина в семь часов вечера. Допустим, сегодня возлюбленный не пришел. Допустим, что с ним никак нельзя свя-

заться – ни телефонировать, ни телеграмму послать... Почему? А у него такой род занятий. Допустим, что он коммивояжер или какой-нибудь коммерсант (коммерсант приличнее коммивояжера), которому по роду занятий часто приходится внезапно уезжать по делам. Но уезжает он ненадолго, на день-два, самое большее – на три, поэтому Вера, не дождавшись его сегодня, придет завтра, послезавтра... Почему он не дает ей знать о времени своего возвращения? Послал бы телеграмму: «Дорогая, буду в четверг, твой Роланд»... а он не может послать телеграмму, потому что роман у них тайный. Вера замужем (кольцо можно не снимать), муж у нее ревнив, вскрывает ее письма, обязал горничную докладывать о том, кто телефонирует супруге в его отсутствие et cetera¹³. Вот-вот, ревнивый муж – это вообще очень удобно. Можно отказаться от предложения поехать куда-нибудь или внезапно уйти, сославшись на мужа. Решено – Вера выступит в амплу замужней женщины.

От слова «амплуа» сладко-сладко защемило сердце. Потерпев фиаско с балетом, Вера не перестала мечтать о сцене. Да и бог с ним, с балетом, театр гораздо предпочтительнее, выразительнее, лучше. И играть в театре можно до глубокой старости, а не до тридцати лет, как в балете. Когда тебе еще нет и восемнадцати, тридцатилетие представляется чем-то несбыточным, а о глубокой старости задумываться вообще не хочется, да и сомнения берут по поводу того, существует

¹³ И так далее (лат.).

ли вообще в твоей жизни подобный возраст. Но Вера была практичной и предусмотрительной, жизнь выучила. И еще она умела приноравливаться к обстоятельствам. Как сложилось, так и будет. Какой смысл грустить о несбыточном? Лучше оглядеться по сторонам в поисках новых возможностей.

Идеалом Веры была блистательная тетка, Вера Комиссаржевская. В феврале, узнав о ее кончине, Вера сильно расстроилась. Плакала, грустила, недели две ходила сама не своя. Спасибо Владимиру, который понял душевное состояние Веры и не лез с ненужными утешениями, а делал единственное, что помогало, – развлекал, едва ли не силком вытаскивал на люди, говорил о том, как страстно он любит Веру и как сильно дорожит этой любовью.

В прошлом году Комиссаржевская огорчила своих поклонников известием о том, что она собирается оставить сцену и посвятить себя преподаванию актерского мастерства. Великая актриса собиралась открыть свою театральную школу, и Вера втайне, про себя, мечтала о том, как она будет учиться у своего кумира. Втайне, потому что никто этих мечтаний не понимал и не поддерживал. Мать с бабушкой считали актерство блажью. В их представлении, женщине следовало быть хорошей женой и заботливой матерью, а не играть на сцене. Пример тетушки Елены Константиновны не мог их переубедить. Отчасти из-за того, что обе они были упрямы (фамильная черта), а отчасти из-за самой тетушки, которая не особенно была довольна своей актерской карьерой. Каза-

лось бы, известная актриса, сразу после окончания училища поступила в труппу Малого театра (шутка ли!), сам Чайковский вдохновился ее Иолантой настолько, что оперу написал... Поклонники, аплодисменты, слава... Чего еще желать? А тетя Лена недовольна, считает, что не смогла проявить свой талант в полную мощь. Мамаеву, Глафиру, Чебоксарову и Лебедкину¹⁴ играла, Катарину¹⁵ играла, а вот Ларису в «Бесприданнице» или Луизу в «Коварстве и любви»¹⁶ сыграть так и не удалось. Не говоря уже о шекспировской Офелии. Офелией тетя Лена просто бредила. Еще в училище выучила роль, отрепетировала самостоятельно и все ждала, что сложится. Ан не сложилось.

– Докторам или адвокатам можно не рваться в самый первый ряд, – с горькой улыбкой говорила Елена Константиновна. – Можно быть просто хорошим доктором или просто хорошим адвокатом и считать, что жизнь удалась. А нам, актерам, просто хорошего мало. Нам или в примы, или никак. Актерская стезя, Верочка, она как ледяная гора. Или на самую вершину взберешься, или вниз скатишься. Ну его, милая, это актерство. Горя в нем на рубль, а счастья на копейку.

Вера не раз заводила с тетей разговор о сцене. И так пробовала, и этак. Не мытьем, так катаньем, не катаньем, так валяньем. Ответ всегда был один – ты, Вера, девушка талант-

¹⁴ Героини пьес А. Н. Островского.

¹⁵ Героиня пьесы В. Шекспира «Укрощение строптивой».

¹⁶ Героиня пьесы Ф. Шиллера.

ливая, но я тебя на эту стезю благословить не могу. Не рискну, ибо знаю, что счастье твое не в актерстве... Вот так вот, знает, и все. Убедившись, что от тетушки помощи в этом деле не будет, Вера перестала к ней приставать, но от мечты своей не отказалась, лелеяла ее. Замужество отодвинуло все остальное, но разве замужним женщинам путь на сцену заказан? Как-нибудь, при случае, Вера собиралась поговорить с Владимиром о своих «сценических» планах. Не сейчас, а попозже, в удобный момент. Она верила, что Владимир поймет ее и не только не станет препятствовать, но и поддержит.

Как мечталось учиться у самой Комиссаржевской! А она, бедняжка, заразилась в Ташкенте оспой и умерла. Надо же ей было ехать на гастроли в этот проклятый Ташкент, на край света! Разве других городов нет? Не поехала, так была бы жива...

Алексей приехал без предупреждения в четверг, около полудня. Вручил Вере букет роскошных роз, сказал, что шел мимо и решил заглянуть. Просто так. По взгляду его Вера поняла, что про «просто так» сказано для Клаши, и предложила деверю чаю, от которого он, разумеется, отказываться не стал. Наедине она изложила Алексею свой план и замерла в напряжении, ожидая его ответа. А ну как Алексей скажет, что все это чушь, что он разочаровался в Вере, и попросит вернуть конверт и забыть про их разговор.

Алексей не разочаровался, по лицу было видно. Пожевал губами, словно пробуя Верин план на вкус, прищурил левый

глаз (была у него такая привычка) и сказал:

– Неплохо, даже очень. Взбалмошная барынька – весьма удобное прикрытие.

На «взбалмошную барыньку» Вера не обиделась. Верно ведь сказано, да и не о ней, а о ее амплуа.

– Только, пожалуйста, продумайте свою легенду до мелочей, – попросил Алексей. – Придумайте себе образ и все, что к нему полагается. Откуда вы родом, кто были ваши родители, кто ваш муж, есть ли у вас подруги, сколько у вас прислуги, где вы отдыхаете летом и так далее. Фамилии мужа и своего адреса можно не называть, даже и не нужно, но все остальное может так или иначе проявиться в разговоре. Он что-то спросит или сам начнет рассказывать...

– Я понимаю, – поспешно сказала Вера. – Фамилий с адресами называть не стану, а обо всем остальном буду тараторить без умолку.

– Причем всякий раз одно и то же! – Алексей поднял вверх указательный палец и на мгновение стал похож на гимназическую инспектрису Шарлотту Леонардовну, та точно так же держала палец у правого виска. – Свою легенду необходимо знать назубок, иначе последует разоблачение. Спаннокки – хитрый лис, он даже при случайном знакомстве станет вас прощупывать, то есть не щупать руками, а пытаться выведать, та ли вы, за кого себя выдаете...

«И руками небось пощупать захочет», – обреченно подумала Вера. Ей было очень интересно попробовать себя в

столь неожиданной роли. Ей очень хотелось сделать что-то полезное для Отечества. Было необходимо произвести хорошее, наилучшее впечатление на Алексея, потому что с ним она связывала кое-какие планы. Но в то же время ей было немного брезгливо. Но что поделать, в каждой бочке меда есть своя ложка дегтя. Не без этого.

– В следующий раз я привезу вам снотворное, – продолжил Алексей. – Вы, насколько я понимаю, душились «Л’Ориганом»?

– Да, – подтвердила Вера, удивляясь про себя осведомленности Алексея.

Женщинам положено разбираться в духах. Любая женщина сразу же узнает моднейший аромат сезона, духи от Коти, из магазина, совсем недавно открывшегося на Кузнецком Мосту. Но чтобы мужчина, да еще холостяк, так вот с ходу определял марку духов, отличая «Л’Ориган» от «Розы Жакино»... Невероятно. Удивительно.

– Снотворное будет во флакончике от «Л’Оригана», это очень удобно и не вызовет никаких подозрений. Разумеется, отправляясь на встречу со Спаннокки, вы не должны брать с собой настоящие духи. Он может заглянуть в ваш ридикюль или в сумочку, а два флакона с духами неизбежно вызовут подозрения.

– Так я и позволю ему рыться в моей сумочке! – возмутилась Вера. – Еще чего!

– Разные бывают способы, – улыбнулся Алексей. – Сумоч-

ку можно неловко подать, так, что из нее как бы случайно высыплется все содержимое. Содержимое можно прощупать, не заглядывая вовнутрь... Агент должен уметь предусмотреть все. На моей памяти один очень перспективный сотрудник выдал себя на совершеннейшем пустяке. Представился отставным поручиком Первого Сумского гусарского полка и не смог назвать фамилию дирижера полкового оркестра. Шефа только выучил, датского короля Фредерика Восьмого, да командира – полковника Нилова, и более никого. А надо знать по именам не только всех офицеров, но и командирского жеребца! Да-да, я не преувеличиваю. Нисколько! Никогда не известно, на чем споткнешься, поэтому надо стараться предусмотреть все...

Вера подумала, что вся эта затея, должно быть, не столько игра, как ей представлялось поначалу, сколько трудная работа. Справится ли она?

Этот вопрос она задала Алексею в первую очередь. А вообще вопросов к нему накопилось несколько. Чем больше Вера думала над делом, тем больше их становилось. Вначале, в день свадьбы, все казалось простым и понятным – познакомиться, добавить снотворное, заглянуть в портфель...

– Думаю, что справитесь, – обнадежил Алексей и ободряюще улыбнулся. – Вы так хорошо все придумали, остается только детали проработать. Ну а если вдруг не справитесь, то переживать не стоит. Не выйдет в этот раз, так выйдет в следующий. Но лучше, если справитесь. Очень уж хочется

прижучить Спаннокки...

– А разве больше никак нельзя его... прижучить? – спросила Вера, она об этом тоже думала. – Арестовать, например, и обыскать...

– Иностранного дипломата?! – изумился Алексей. – Помилуйте, он же – персона неприкосновенная. Как можно его арестовать? Его даже в околоток пригласить нельзя! Скандал выйдет! Франц Иосиф Австрийский нашему государю гневное письмо напишет, и будет нам всем такое, что и представлять не хочется! Другое дело, если мы будем наверняка знать, что в портфеле у его сиятельства лежат какие-нибудь компрометирующие его бумаги. Тогда правда на нашей стороне окажется, а Спаннокки станет персоной нон грата. Тогда уж наш государь гневное письмо Францу Иосифу напишет. А может, сразу и не будем задерживать, понаблюдаем. Все зависит от того, что окажется в портфеле. Нам, кстати, пора уже с вами детали обговорить, время идет...

Больше Вере вопросов задавать не понадобилось, потому что Алексей сам все рассказал. Из флакона надо накапать в любое питье восемь-десять капель, но никак не больше пятнадцати на бокал. Больше нельзя, Спаннокки рискует не проснуться. Меньше восьми тоже нельзя – тогда он скоро не заснет. Если придется добавлять снотворное в бутылку, то тут уж пусть Вера сама прикинет, сколько ей нужно капель. На всякий случай снотворного будет с запасом. В портфель надо заглядывать аккуратно, запоминать, как что ле-

жит, и возвращать на место в том же порядке, чтобы Спаннокки не заподозрил, что в его драгоценных бумагах кто-то рылся. Деньги на расходы Вере будут выданы. Кроме того, если Вере для образа понадобится что-либо из одежды, то она сможет получить это в магазине Старобельского на Кузнецком Мосту. Алексей предупредит, и стоимость выбранного Верой запишут на особый конфекционный¹⁷ счет их ведомства. (Надо же, удивилась Вера, оказывается, и владельцы модных магазинов тоже сотрудничают с делопроизводством Алексея.) В случае какой-то срочной необходимости надо телефонировать по номеру шестнадцать – семнадцать (запомнить легко), попросить к телефону Николая Аристарховича и, когда ответят, что Николай Аристархович вчера уехал в Тверь, передать для него сообщение, то есть сказать, что надо. Все сказанное будет тотчас же передано Алексею или кому-то из его коллег (так он их назвал). «Николай Аристархович» и «Тверь» – это секретные слова, по которым коллеги Алексея узнают своих. Вопрос должен содержать имя, а ответ – название города.

Вера слушала, запоминала и все глубже проникалась своей причастностью к такому большому важному делу. Когда Алексей закончил и взял из вазочки пастилу (прохоровскую¹⁸, никакой другой Владимир не признавал), Вера сооб-

¹⁷ К о н ф е к ц и о н – готовое платье и белье, а также магазин или отдел, торгующий подобным товаром.

¹⁸ Т. е. производства фабрики А. Прохорова в г. Белеве Тульской губернии.

разила то, о чем не подумала раньше.

– А что решит Спаннокки, когда проснется? Он же поймет, что я его усыпила нарочно, и примет меры. Избавится от компрометирующих документов или спрячет портфель...

Алексей неторопливо, с видимым удовольствием откусывал пастилу, так же неторопливо жевал и запивал чаем. При этом он внимательно смотрел на Веру, словно ждал, что она сама ответит на свой вопрос.

– Он подумает, что это сделала прислуга? – предположила Вера и тут же поняла, что сказала глупость, потому что прислуга в гостиницах клиентов не опаивает, это сразу же вскрыется. – Нет, не подумает... Или вам уже будет все равно?

Не переставая жевать, Алексей отрицательно покачал головой. Не все равно, мол.

– Как же тогда? – растерялась Вера. – Или от вашего снотворного память отшибает напрочь?

Алексей снова покачал головой – опять не угадала. Вере надоело демонстрировать свою глупость. Она замолчала и стала ждать, что скажет Алексей.

– А не перейти ли нам на «ты»? – неожиданно спросил Алексей. – Владимир уже интересовался, почему я держусь с его супругой столь церемонно? Даже обозвал меня старосветским помещиком.

– Давайте перейдем, – ответила Вера и напомнима, опасаясь, что разговор свернет с волнующей ее темы: – Так что же

со Спаннокки? Как сделать так, чтобы он ничего не заподозрил?

– Очень просто. Ты возьмешь из его бумажника всю личность...

– Что-о-о?! – Вера не поверила своим ушам.

– Заберешь деньги из его бумажника, – как ни в чем не бывало повторил Алексей. – Пусть считает тебя воровкой. Суммы при нем должны быть приличные, так что твоя игра будет выглядеть стоящей свеч.

– Нет! – твердо, резко и с вызовом ответила Вера. – Нет! Никогда!

– Другого выхода нет. – Алексей развел руками. – Но ты всегда вправе отказаться. Добровольие – наш главный принцип. Мы никогда никого не принуждаем и не вынуждаем нам помогать.

– А что мне делать потом с этими деньгами? – неожиданно для себя самой спросила Вера. – Их надо кому-то отдать, так ведь? Не могу же я оставить их себе?

– Ты отдашь их мне, – сказал Алексей, – а я внесу их в наш негласный фонд, откуда мы берем неподотчетные средства. Но никто не упрекнет тебя, если ты оставишь деньги Спаннокки себе. Это будет премия за успешно выполненное поручение.

– Ну уж нет! – не раздумывая, отказалась Вера. – Не нужно мне никаких премий, особенно таких!

Алексей не стал настаивать. Спихватился вдруг, что до

сих пор так и не оформил Веру в качестве сотрудницы, и велел написать прошение на имя какого-то делопроизводителя какого-то делопроизводства чего-то там при обер-квартирмейстере. Вера запомнила только фамилию и звание – полковник Монкевиц. Прошение, написанное под диктовку Алексея, было совершенно обычным, со всеми полагающимися в подобных бумагах казенными оборотами. Вере очень понравилось название ее должности, если это можно было назвать должностью, – «секретный агент». Звучит! Жаль только, что никому не похвастаешься. В прошении было упомянуто о том, что Вера обязуется хранить в тайне все, что имеет отношение к ее работе.

Закончив диктовку, Алексей съел еще кусочек пастилы, рассказал анекдот про портного, захотевшего стать зубным врачом, и откланялся, пообещав вскоре появиться снова.

«7 июня, во 2-м часу дня, когда на Чистопрудном бульваре было изрядно гуляющей публики, какой-то босяк, назвавшийся впоследствии кр. Павлом Алексеевым Карасевым, 45 л., на глазах у всех разделся донага, вошел в пруд и начал в нем купаться. Некоторые мужчины из публики, выражая свое возмущение, начали бросать в него камнями, на что Карасев отвечал матерной бранью. Конец выходке положили сторожа Васильев и Смирнов, которые извлекли возмутителя спокойствия из воды и препроводили в участок».

Ежедневная газета «Московский листок», 7 июня 1910 года

Насколько приятно мечтать под созерцание красивых видов, настолько же тяжело и скучно притворяться, что ты мечтаешь и любишься видами. Да вдобавок Вера всерьез боялась окосеть, потому что лицо ее было повернуто к окну, а глаза смотрели влево на входную дверь. Когда затекла шея, Вера пересела так, чтобы дверь была справа, но легче ей от этого не стало. Время от времени Вера смотрелась в зеркальце. На самом деле разглядывала не себя, а зал – вдруг прозевала Спаннокки, не увидела, как он вошел. Террасу, хотя там было и прохладнее, воздушнее, Вера проигнорировала намеренно, потому что из зала через окно терраса просматривалась великолепно, а вот разглядывать с террасы зал бы-

ло невозможно. Пожилой официант смотрел на Веру сочувственно, не иначе как уловил ее внутренний настрой. Чтобы не выглядеть белой вороной, Вера заказала филе де бёф а-ля Шамбор и бокал мозельского. Официант, удивленный выбором – белое вино к мясу, – дважды переспросил. Вера не стала объяснять ему своих мотивов. Красное вино возбуждает, заставляет сердце биться чаще, а она и без того была возбуждена до предела, хоть и всячески старалась это скрыть. А вот белое успокаивает, особенно если пить его мелкими-мелкими глоточками.

К мясу Вера почти не притронулась, так, ковырнула вилок разок-другой. Есть ей совершенно не хотелось. От волнения и еще потому, что утром, проводив Владимира в Нижний, где у него начинался процесс, Вера заехала в магазин товарищества Эйнем у Мясницких ворот, накупила разного шоколаду и объелась им. Шоколад Вера любила.

Надо же! И полутора месяцев после свадьбы не минуло, а молодая жена уже радуется отъезду мужа. Вера на самом деле была рада, потому что отъезд Владимира избавлял ее от необходимости лгать. Лгать любимому человеку, пусть даже и ради блага Отечества, совсем не хотелось. Стыдно было. А тут такая удача. Процесс (запутаннейшее дело о миллионном наследстве с тремя завещаниями и дюжиной алчущих наследников) грозил затянуться надолго, не меньше чем на неделю. Вера решила, что во искупление своего греха она сделает Владимиру сюрприз, если он задержится в Нижнем

больше недели, – придет к нему. Вот уж он, наверное, обрадуется. Но до этого было еще далеко. Сначала надо было покончить с делом, а для того, чтобы покончить, следовало начать.

В понедельник противный Спаннокки у Крынкина не появился. Напрасно Вера промаялась там более трех часов. Устала, извелась, издергалась – и все без толку. Разве что существенно расширила познания относительно злоупотреблений бывшего градоначальника генерал-майора Рейнбота. За соседним столом сидела компания чиновников градоначальства, которые весь вечер бурно и в подробностях обсуждали бывшего патрона. С каждым бокалом разговоры становились все громче и громче, Вере даже слух напрягать не приходилось, чтобы узнать, в какую сумму обошлось подполковнику Михайлову-Плевинскому назначение приставом в Мясницкую часть, сколько составлял годовой оброк с Немецкого и Дворянского клубов, негласно допускаявших у себя азартные игры, и что Купеческий и Английский клубы облагать оброками себе дороже, потому что там среди членов много влиятельных персон. Больше всего Веру поразило заявление о том, что с каждого рубля, полученного московскими извозчиками, десять копеек (прямо десятая) оседала в кармане алчного генерал-майора. Вера по доброте душевной пожалела бедных автомедонов¹⁹. Если Рейнботу пе-

¹⁹ А в т о м е д о н – в древнегреческой мифологии сын Диора, возница Ахилла. Его имя стало нарицательным для обозначения искусных возниц и извозчиков

репадал гривенник, то еще не меньше двугривенного прилипало к рукам его подчиненных. Выходило, что извозчики были вынуждены отдавать властям добрую треть своего заработка. Вера была впечатлена настолько, что, возвращаясь домой, дала извозчику на чай целый рубль. Хотелось с горя хоть кого-то порадовать.

На следующее утро пришла телеграмма от Владимира. Не экономя на выражении чувств (однако, десять копеек за слово), муж писал, что доехал благополучно и уже безумно соскучился без своей милой женушки. По предположениям Владимира, процесс должен был закончиться в четверг, самое позднее – в пятницу. «Больше шести дней наша разлука не продлится ни в коем случае», – писал муж. Прочитав телеграмму, Вера поняла, что выбросить она ее не сможет. Пусть даже это печатные буквы на казенном бланке, а не письмо, написанное рукой мужа, но все же что-то такое сентиментальное, интимное в телеграмме было. Вера убрала телеграмму в сумочку, подальше от Клашиных любопытных глаз, да и забыла о ней.

К Крынкину хотелось ехать прямо сейчас, несмотря на то что на часах не было еще и одиннадцати, а в списке, полученном от Алексея, было отмечено, что Спаннокки появляется у Крынкина по вечерам. А приехал ли он вообще, спохватилась Вера. Вдруг не приехал, а Алексей забыл ее предупредить. Договорились же, что начиная с седьмого числа

она станет ездить по вечерам к Крынкину, даже легенду придумали для Владимира, якобы Вера с Алексеем будет посещать поэтические чтения в кафе «Бом» на Тверской. Владимир любил и понимал поэзию, классическую и современную, но не выносил поэтических сборищ. Иронично называл их «петушиными боями», намекая на то, что на чтениях каждый поэт старается перекричать другого. И вообще поэзия, по мнению Владимира, была делом интимным. Он считал, стихи, прочитанные перед толпой, теряют заключенную в них магию. Поэтому Вере и Алексею можно было не опасаться того, что Владимир захочет составить им компанию.

Алексей, богемная душа, ложился спать на рассвете и просыпался поздно, поэтому Вера не только застала его дома, но и, кажется, разбудила. Он подтвердил, что Спаннокки действительно приехал, и добавил, что если бы приезд не состоялся, то Вера тотчас же была бы поставлена в известность.

– Мы ничего никогда не забываем, – дважды повторил он, и Вере стало стыдно за свое легкомыслие.

Смущенная и обнадеженная, Вера закончила разговор. Алексей заверил, что сегодня или завтра Спаннокки непременно появится у Крынкина, он любит это заведение и посещает его при каждом приезде в Москву. Что ж, придется ждать до вечера. Энергия, скопившаяся внутри, требовала выхода. Вера устроила ревизию на кухне, чем изрядно перепугала Ульяну, решившую, что хозяйка собралась от нее избавиться и подыскивает подходящий повод. Но на кухне

все было в порядке – посуда блестела, столы и пол чисто вымыты, запасы хранились как должно. Вера похвалила Ульяну и на радостях подарила ей герленовскую пудру, полученную в подарок от Владимира. Пудра была дорогой, но Вера предпочитала пудру от Коти, та была несравнимо лучше и, что удивительно, стоила дешевле герленовской. Наказав мужу покупать ей впредь пудру исключительно в желтых коробочках, Вера спрятала подарок с намерением передать его кому-нибудь. Ульяна, увидев пудру, просияла от счастья («Настоящая, господская, такую только на Пасху и на Рождество пользоваться!») и нажелала доброй хозяйке всяческих благ. Несмотря на свой немолодой возраст, Ульяна была страшная щеголиха и не оставляла надежд найти хорошую партию, желательно кого-нибудь положением не ниже околоточного.

Затем Вера отправилась в Малый Кисловский навестить своих. Извозчика остановила в Калашном – отсюда удобнее было пройти к дому, стоявшему во дворах, на одинаковом расстоянии от обоих переулков. Отцу очень нравилось такое расположение – тихо, ничто не отвлекает от чтения и подготовки к урокам. Сколько Вера помнила отца, он все время готовился к урокам – читал журналы, что-то выписывал на листочки из толстых книг. Вера удивлялась – неужели есть что-то, чего папа не знает, раз постоянно учится?

У Наденьки начались каникулы, и она уговорила мать пойти гулять не на Патриаршие, как обычно, а «далеко по

бульварам». Дома была одна бабушка, отношения с которой у Веры были, мягко говоря, прохладными, отчего долго за-сидиваться она не стала. Отдала гостинец для сестер – коробку с цветными марципанами, купленную по дороге в кондитерской Абрикосова, выпила чаю (заварку бабушка сэкономила нещадно), рассказала, что все у нее хорошо, и уехала. Вернувшись домой, попробовала читать, потом стала писать письмо Владимиру, но не дописала, потому что сообразила, что пока письмо дойдет, муж уже успеет вернуться. Как назло, испачкала правую руку чернилами и долго терла ее мочалкой, отчего рука покраснела, как у прачки. Потом перебирала свои платья, прикидывая, какие еще можно носить, а какие уже нет – мода так быстро меняется. Подумала о том, какое платье надеть сегодня – синее или нежного зеленого цвета, отделанное кружевами, и остановила выбор на последнем. Одним словом – маялась до тех пор, пока часы не пробили шесть. Вера к тому времени была уже одета и причесана к выходу. Вышла, прошлась до лавки Маховых, к которой то и дело подъезжали пролетки и высаживали седоков, села к чернобородому, совершенно разбойничьего вида извозчику и поехала к Крынкину. По пути истово крестилась на все встречные купола, испрашивая себе покровительства и удачи. У Крынкина с радостью отметила, что сегодня работают другие официанты, стало быть, никто ее не узнает. Вере почему-то было очень стыдно своего вчерашнего поведения. Ей казалось, что она вела себя глупо и все делала не так.

Публика еще только начинала собираться, поэтому свободных столов было много, в том числе и несколько возле окна, так, чтобы видеть террасу и изображать любование видом Москвы. Вид этот при всей своей красоте обрыд до самых печенок еще вчера. Вера выбрала место с таким расчетом, чтобы не пришлось слишком сильно косить глазами на вход. Села, заказала бланкетт де вю под соусом велюте и бокал давешнего мозельского и просидела три часа без толку. Все, как вчера, с той лишь разницей, что сегодняшней официант не выказал удивления по поводу заказа белого вина к телятине. То ли был вышколен лучше вчерашнего, то ли просто Вера держалась более уверенно. И еще разговоры за соседним столом велись скучные – двое пожилых неинтересных мужчин, видимо, компаньоны, обсуждали открытие гастрономического магазина. Насколько поняла Вера, они собирались составить конкуренцию известному магазину Харитоновой, с того и место выбрали на Большой Дмитровке через два дома от него. Скучные слова «процент», «оборот», «выгода», «кредит» и им подобные навевали тоску. Вера с симпатией вспомнила о вчерашних чиновниках, их, по крайней мере, было нескучно слушать. Домой уехала раздраженная и с какой-то пустотой внутри. Ехала и все с тревогой прислушивалась к себе – уж не перегорела ли?

Оказалось, что не перегорела. На следующее утро Вера проснулась радостная и какая-то спокойная. Сидело внутри предчувствие чего-то хорошего. Так было в день выпускного

бала, когда она познакомилась с Владимиром, и еще несколько раз. Предчувствие всегда сбывалось, оттого-то, наверное, Вера и была столь спокойна. И правда – зачем волноваться, если знаешь, что все будет хорошо? Спокойно было настолько, что Вера до самого вечера развлекалась такой кропотливой забавой, как вышивка. Подумала, что семейное гнездышко от украшений, сделанных собственными руками, становится только уютнее, и начала вышивать пейзаж. За образец взяла журнальную иллюстрацию – «Вечерний звон» Левитана, но строго ей следовать не собиралась, просто хотелось вышить что-то такое русское, пасторальное, чтобы непременно церковь и река. Так увлеклась, что просидела до самого вечера, кладя на полотно стежок за стежком.

Насчет наряда сегодня сомнений не было. Вера надела всего лишь раз «выгулянное» пепельно-серое муаровое платье, красиво переливающееся при движениях, и единственно подходящую к нему шляпку, маленькую, без полей, в виде турецкого тюрбана, украшенную черным агатом и страусиным пером. К такому наряду веер напрашивался сам собой, тем более что в небольшой Вериной коллекции из трех штук имелся подходящий – черный, резной, с яркими птицами. Пусть веер был японским, а тюрбан – турецким, все равно гармонично, потому что Восток и экзотика, решила Вера и отправила Клашу за извозчиком. Чтобы предупредить ненужные сплетни, прислуге все три дня подавалась версия Алексея о посещении поэтических чтений.

Сумочку Вера оставила прежнюю – черную парчовую, вышитую разноцветным бисером. Эта удобная, емкая и в то же время небольшая сумочка была у нее любимой, да добавок подходила едва ли не ко всем нарядам.

На Крымском Валу у пролетки надломилась ось. Ничего страшного, она не перевернулась, просто покосилась, но пришлось терять время на поиски другого извозчика. Как назло, мимо долго не проезжало ни одного свободного, а тот, к кому села Вера, сильно берег свою лошадь, и оттого они не ехали, а плелись. После того как Вера пригрозила, что за такую езду заплатит половину от уговоренного, поехали чуть быстрее, но все равно медленно. К Крынкину Вера приехала без четверти восемь и была недовольна тем, как она сюда добиралась.

Но стоило только Вере войти в шумный зал, как ее недовольство тотчас же улетучилось, потому что прямо перед собой, за третьим столом справа от входа, она увидела человека, как две капли воды похожего на изображенного на фотографии. Одетый в летний костюм цвета топленого молока, граф фон Спаннокки сидел за столом в одиночестве и внимательно изучал карту вин в коричневом сафьяновом переплете. Держал ее высоко, так что, может, и не изучал, а прикрывался ею, высматривая кого-то в зале или наблюдая за кем-то. Кто его знает, шпиона?

Вера замерла на мгновение, свыкаясь со своей удачей, а затем, не обращая внимания на подскочившего к ней метр-

дотеля, направилась к свободному столику, стоявшему в трех метрах позади Спаннокки. Проходя мимо графа, все продолжавшего сосредоточенно интересоваться винами, Вера уронила веер. Спаннокки среагировал мгновенно. Веер, казалось, еще до пола не успел долететь, а он уже отложил карту и наклонился.

– Благодарю вас, – церемонно сказала Вера, замечая темно-коричневый портфель, приставленный к ножке стола слева от Спаннокки.

Легкая улыбка, взмах ресницами, быстрый взгляд, брошенный на Спаннокки, сказали гораздо больше, чем слова. Поблагодарив, Вера пошла дальше, и хотя и не оборачивалась (еще чего!), но знала, что Спаннокки сейчас смотрит ей вслед. Непременно смотрит. Поэтому Вера шла мелкими шажками и старалась ставить ступни «в линию». При таком шаге вид сзади получается неимоверно соблазнительным, да еще и струящийся муар усиливает эффект.

Спаннокки оказался хватом. Вера думала, что он для начала пришлет ей цветы или хотя бы записку, но граф поступил проще – подошел раньше официанта, с портфелем в левой руке, щелкнул по-военному каблуками, несмотря на то что был в штатском, и спросил сладчайшим до невозможности, каким-то обволакивающим голосом:

– Вы позволите, сударыня?

И указал глазами на стул, стоявший напротив Веры, при этом ни на мгновение не отрывая от нее взгляда. Как ему

удался такой фокус, Вера не поняла.

– Да, пожалуйста, – томно сказала Вера, помня о своем печальном образе брошенной любовницы. – Мне уже все равно...

Получилось хорошо. Сама Комиссаржевская, наверное, похвалила бы. В четырех словах Вере удалось выразить все – и то, что ей грустно, и то, что Спаннокки ей совершенно безразличен, но в то же время она не имеет ничего против его общества, и то, что все самое лучшее осталось в прошлом...

«В доме Антонова по Косому переулку полиция обнаружила воровской притон в квартире Т. Соповой, известной в воровском мире под кличкой Танька-Одежница. Сопова занималась скупкой краденых вещей, которые затем сбывала через своих подручных не только в Москве, но и в Коломне, Зарайске, Клину и даже в Твери. В квартире Соповой полиция задержала двух давно разыскиваемых ею воров – Юркевича по кличке Коля-маленький и Кублицкого по кличке Билетер. Сопова также арестована».

Ежедневная газета «Русское слово», 9 июня 1910 года

Мужчинам нравится, когда при них женщины ругают других мужчин. Поэтому Вера не жалела красок для образа своего мнимого мужа, домашнего деспота, скряги и вообще ограниченного человека. Выйти за такого замуж можно было, только тронувшись умом или по каким-то очень веским причинам. Вера выбрала второе и рассказала, что ее муж, удачливый биржевой делец, скупил все векселя ее невезучего в делах отца и поставил ультиматум – или дочь за меня замуж выйдет, или платите. Спасая отца от банкротства (ах, как это трогательно, у Веры в этом месте голос дрожал и глаза влажнели), Вера вышла замуж за нелюбимого. Но и с любимым, тем, за кого мечтала выйти замуж, не порвала. Не

смогла, боялась что сердце разорвется. А теперь и любимый почему-то охладел, и жизнь покатила куда-то вниз.

– Говорят, если сделать инъекцию большого количества морфия, то сначала увидишь яркие видения, а потом заснешь вечным сном. . .

Так Вера закончила свой печальный рассказ.

– Помилуйте, Елена! – ужаснулся Спаннокки, называя Веру придуманным ею для образа именем. – В ваши-то годы и такие мысли! Вы еще, наверное, и четверти века не прожили, а мечтаете о вечном сне!

Вера усмехнулась, давая понять, что дело не в прожитых годах, а в том, что душа болит, и нет от этой боли другого спасения, кроме вечного сна. Портфель стоял под столом, при желании его можно было потрогать ногой. Вера уже успела заметить, что на нем два замка. Медные, немного потускневшие, элегантные. Да и сам портфель был элегантным, респектабельным, дорогую вещь видно сразу. Как и дешевую.

Сам Спаннокки назвался своим настоящим именем и сказал, что состоит на дипломатической службе, но не стал уточнять, на какой именно. По-русски он говорил как настоящий русак, чисто, без ошибок, разве что только речь была какой-то бедноватой, тусклой. Не то что у Владимира, но ведь Владимир адвокат, ему положено быть красноречивым.

Спаннокки показался Вере недалеким и каким-то простоватым, что ли. Внимательно слушает, ахает, по глазам видно,

что верит. Может, он в шпионских делах и сведущ, но в житейских не очень. Во всяком случае, так показалось Вере, и это ощущение крепло с каждой минутой. Вдобавок во взгляде Спаннокки было столько страсти, что Вера, хоть и не была торопыгой, начала считать поручение выполненным. Ну, почти выполненным.

Затягивать не хотелось, лучше закончить все прямо сегодня. Знакомство состоялось, Спаннокки очарован, портфель при нем, времени у Веры, благодаря отсутствию мужа, сколько угодно. Сейчас они перейдут в кабинет или уедут в какое-нибудь тихое место. Вера, по ее мнению, ничем не рисковала. По Спаннокки было видно, что он человек благородный и не станет сразу набрасываться на даму, даже если дама из таких, кто не прочь уединиться с едва знакомым мужчиной. Нет, сначала будет традиционный ритуал – шампанское, комплименты, намеки... Можно будет без труда найти предлог для того, чтобы усадить Спаннокки на минуточку, скажем, за нашатырем. Чем плох нашатырь в качестве предлога? «Ах, Лео (Спаннокки слегка сократил свое непривычное для русского слуха имя), у меня голова закружилась, не будете ли вы так добры принести нашатыря?» Или можно дожидаться, пока Спаннокки сам выйдет за чем-нибудь. Можно будет, сославшись все на ту же спасительную головную боль, попросить его перестать курить при Вере. А он, судя по всему, заядлый курильщик – каждые пять минут лезет в портсигар за новой папиросой. До конца, правда, ни одну не

докуривает, пыхнет раз-другой и гасит в пепельнице.

– Здесь так шумно. – Вера страдальчески поморщилась.

– Да, шумно, – с готовностью поддакнул Спаннокки и предложил: – Если вам угодно, Елена, мы можем поехать в какое-нибудь тихое местечко?

Вера для приличия поколебалась с полминуты, словно размышляя – можно ли доверять новому знакомому настолько, чтобы ехать куда-то в его обществе, и согласилась.

Тихим местечком оказался трактир Дмитриева на Маросейке. Перворазрядный, с кабинетами, представлявшими собой квартиры в миниатюре, – тут тебе и столовая, и спальня с широкой кроватью под невесомым газовым балдахином и собственным клозетом. Целый гостиничный номер, гнездо разврата. Здесь так и пахло развратом – коньяком, табаком, смесью парфюмерных ароматов, от «Л’Ориган» и «Кельке флэ» до грубых мужских одеколонов. Тяжелые портьеры на окнах и дверях, неяркий свет, угодливые официанты с бесстрастными постными физиономиями. Вера с ходу определила, что основными клиентами трактира являются богатые купцы. Видно птицу по полету, добра молодца по соплям, а заведение по швейцару да официантам. Если ливрея у швейцара изобилует галунами да аксельбантами, а официанты вместо фраков носят белые костюмы (сугубо московская причуда, в Петербурге, говорят, такого нет), то можно не сомневаться, что заведение купеческое. Это хорошо, что купеческое, меньше риска встретить знакомых. Алексей, ра-

зумеется, в случае чего объяснит все Владимиру, но лучше до этого не доводить. Семена ревности и недоверия прорастают мгновенно и корни пускают глубоко, не выкорчевать потом.

Спаннокки заказал шампанского, мороженого и клубники, именно то, что, по мнению не искушенной в подобных делах Веры, и следовало заказывать перед тем, как уложить даму в постель. Официанты принесли заказанное вдвоем – один держал в руках большой серебряный поднос, а другой открывал перед ним дверь, отодвигал портьеры и помогал расставлять принесенное на столе. Шампанское здесь открывали по старинке, эффектно, с громким хлопком и бьющей фонтаном из горлышка пеной.

Как только официанты ушли, Спаннокки потянулся было к своему бокалу, но на полпути отдернул руку, встал, смущенно улыбнулся Вере, пробормотал невнятно что-то явно извинительное и скрылся за дверью ватерклозета.

Еще не успела щелкнуть задвижка, а Вера уже достала из сумочки флакон. Одно биение сердца – и тщательно притертая стеклянная пробка извлечена из горлышка. Еще два биения – и снотворное оказалось в бокале Спаннокки. Из-за нехватки времени отмерять капли было некогда, поэтому Вера отлила немного, совсем чуть-чуть, на глазок, и была уверена, что не перестаралась. Еще одно биение – и пробка вернулась на место. Еще одно – и флакон убран в сумочку... Вера не обратила внимания на то, что защелка так и не

щелкнула, настолько она увлеклась.

– Bravo, мадам! – послышался сзади голос Спаннокки. – Bravo!

Голос был прежним, но в то же время каким-то другим – холодным, с примесью торжества.

– Грубо работаете! – Спаннокки, разом утративший всю свою галантность, навис над рухнувшей в кресло Верой (ноги стали ватными от страха и не держали). – За дурака меня принимаете, а? Ивана-болвана из меня делаете?

– Иванушку-дурачка... – зачем-то пролепетала Вера, дочь учителя русской словесности.

– Да хоть идиота! – Спаннокки грубо вырвал у Веры из рук сумочку, открыл ее и вытряхнул содержимое на стол.

Вера опешила. Если бы подлый Спаннокки набросился на нее, намереваясь изнасиловать, то она, наверное, удивилась бы меньше. Она сидела в прежней позе, хлопала глазами и не сразу осознала, что бумажка, которой заинтересовался Спаннокки, есть телеграмма от мужа, которую Вера как положила в сумочку, да так про нее и забыла. Хороша тайная агентка, нечего сказать! Инкогнито! Легенда! Ха-ха-ха! В телеграмме – все! Имя, фамилия, адрес! Это надо же было так оплошать!

Почувствовав, что ноги снова начали слушаться, Вера попробовала броситься на Спаннокки с намерением вырвать у него телеграмму, но сильным толчком в грудь была отброшена обратно в кресло. Ярость затмила глаза. Не видя ниче-

го толком, Вера тем не менее попыталась встать и протянула вперед руки. Стало только хуже. Последовал еще один толчок, не такой сильный, как первый, и Вера снова оказалась в кресле.

– Не смейте! – попробовала возмутиться она. – Не смейте так со мной! Вы – негодяй! Я закричу!

– Кричите! – разрешил Спаннокки. – Никто не услышит, а если и услышит, то подумает, что мы с вами плеточкой балуемся или еще как друг дружку пытаем. Вы Захер-Мазоха не читали? Впрочем, куда вам. Вы – типичная oie!²⁰

На «типичную oie» Вера обиделась так сильно, что чуть было не высказала Спаннокки в лицо всю правду о нем. Слава богу, вовремя спохватилась и прикусила язычок. Неподходящее время для обличений, да и злить Спаннокки не стоило. Негодяй, который способен поднять руку на женщину, вполне способен и убить. Здесь же никто на помощь Вере не придет. Скорее Спаннокки помогут от тела избавиться. Нет, надо давить на жалость и притворяться неудачливой воровкой. Да-да, именно воровкой. Тайные долги, срочная нужда в деньгах... Причина? Любовник, единственная радость и услада, проигрался в карты и собирается руки на себя наложить, потому что не может расплатиться. Существует ли такая жертва, которую нельзя принести ради любви? Только бы соврать поубедительнее, чтобы поверил...

²⁰ Гусыня (*фр.*). В переносном значении означает простушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.